

18+

ПЕРВИЙ МИСТРИ
КНИГА 1

МАЛА- БАР- СКИЕ ВДОВЫ

Перевод
Александры
Глебовской

СУДЖАТА
МАССИ

Popcorn books. Малабарские вдовы

Суджата Масси
Малабарские вдовы

«Popcorn books»

2018

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Масси С.

Малабарские вдовы / С. Масси — «Popcorn books»,
2018 — (Popcorn books. Малабарские вдовы)

ISBN 978-5-6048363-5-4

Первин Мистри только что присоединилась к юридической фирме своего отца, став одной из первых женщин-юристов в Индии. Адвокатская контора Мистри должна исполнить волю мистера Омара Фариды, богатого предпринимателя, у которого остались три вдовы. Изучая документы, Первин замечает нечто странное: все три жены передали свое наследство на благотворительность. Причем одна из вдов подписала документы крестиком, а значит, она, вероятно, даже не умеет читать. Первин проводит расследование и понимает, что ее подозрения были верны: дело о наследстве внезапно перерастает в дело об убийстве. Теперь она обязана выяснить, что на самом деле произошло на Малабарском холме...

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-6048363-5-4

© Масси С., 2018
© Popcorn books, 2018

Содержание

1921		6
	1. Взгляд незнакомца	6
	2. Под покрывалом	12
	3. Дух экстаза	18
1916		22
	4. Последнее занятие	22
	5. Лэндс-Энд	33
1921		39
	6. Чертоги власть имущих	39
	7. Птица на крыле	44
	8. Мелкий шрифт	52
	9. Отверстия в стенах	59
	Конец ознакомительного фрагмента.	63

Суджата Масси

Малабарские вдовы

Карен и Бхарату Парех, познакомившим меня с Бомбеем

THE WIDOWS OF MALABAR HILL
by Sujata Massey

Перевод Александры Глебовской

Copyright © 2018 by Sujata Massey

Cover art © by Andrew Davidson

© А. Глебовская, перевод на русский язык, 2022

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2023

1921

1. Взгляд незнакомца

Бомбей, февраль 1921 года

В то утро они едва не столкнулись – именно тогда Первин и увидела незнакомца впервые.

Он стоял, почти скрытый от глаз, в портике у входа в Мистри-хаус. Небритый мужчина средних лет: судя по виду, несколько суток спал в своей рубаше из тонкого сукна и изгвазданной хлопковой дхоти¹, тысячей складок свисавшей от пояса до лодыжек. Прищуренные глазки глядели устало, а еще от него кисловато пахло потом с примесью бетеля.

В столь ранний час посетители в адвокатской конторе Мистри были редкостью. Контора находилась на территории Форта – места, где в свое время был основан Бомбей. Старую стену снесли, но район оставался оплотом юристов и банкиров, где почти все заведения открывались между девятью и десятью часами утра.

Решив, что перед нею клиент-недотепа, Первин опустила глаза – пусть не думает, что его разглядывают. То, что женщина может быть юристом, шокировало многих. Первин посмотрела вниз – и с недоумением обнаружила, что человек этот вовсе не беден. Тонкие голени обтянуты черными чулками, на ногах – поношенные спортивные ботинки на шнуровке, из тонкой черной кожи.

Если где мужчины и носят английскую обувь и чулки вместе с дхоти, так это в Калькутте, почти в двух тысячах километров отсюда. Калькутта – город, который всегда будет напоминать ей про Сайруса.

Первин подняла глаза и, видимо, выдала свою тревогу. Мужчина подался назад.

– Минуточку! Вам в адвокатскую контору Мистри? – окликнула она его – но он уже бежал через улицу.

Озадаченная Первин постучала в дверь, и ей почти сразу же открыл Мустафа, их старый слуга, испокон веку заправлявший в Мистри-хаусе. Он поприветствовал Первин, дотронувшись до сердца и до лба, а потом взял у нее контейнер с ленчем, который она принесла с собой.

– Адаб, Первин-мемсагиб², – поздоровался он. – А где нынче утром ваш почтенный батюшка?

– Сегодня в Верховном суде слушают дело Джаянта. Мустафа, а вы знали, что снаружи дожидаются?

Он посмотрел ей за спину, на пустой портик.

– Нет. И где этот ожидавшийся?

– На другой стороне улицы, вон тот мужчина в дхоти.

Первин увидела, что незнакомец стоит в тени одного из зданий.

Мустафа прищурился.

– Грязный, но не нищий. Обувь не та.

– Ботинки и чулки, – подтвердила Первин.

– Если бы он постучал, я бы сказал ему прийти после десяти. Вы с утра слишком заняты, чтобы принимать таких, – хотя, кажется, на сегодня у вас встреч не назначено?

Первин различила в его голосе озабоченность. Мустафа знал, как сложно ей привлекать клиентов.

---

¹ Дхоти (хинди, бенгали и другие языки) – длинная объемная набедренная повязка (*здесь и далее – прим. перев.*).

² Мемсагиб – почтительное обращение к женщине высокого социального статуса или к замужней европейской женщине в Индии.

– Я не назначала никаких встреч, потому что сегодня из Англии приезжает моя старинная подруга. Я собираюсь встретить ее на причале.

– На борту «Лондона»?

Первин улыбнулась.

– А, так вы даже посмотрели списки пассажиров в сегодняшней газете!

Седовласый старик слегка опустил голову, принимая похвалу.

– Совершенно верно. Я дам вам знать, когда начнут разгрузку судна. И скажите еще: ваша английская приятельница намерена посетить Мистри-хаус? Я приготовил бы небольшое чаепитие.

– Я думаю, Элис первым делом поедет к родителям на Малабарский холм – но, наверное, в ближайшее время здесь побывает. – Первин окинула взглядом мраморное фойе, мягко освещенное настенными бра с позолоченными абажурами. Ей будет очень приятно показать это здание в стиле бомбейской готики своей подруге Элис Хобсон-Джонс. Потолки высотой в шесть метров – большая редкость и особая гордость Аббаса-Кайама Мистри, ее покойного деда. Первин постоянно казалось, что дед смотрит на нее с большого портрета, охраняющего вход. Глаза, такие же чернильно-черные, как и плоская фета³, выражали всезнание, но не приязнь. – Мне нужно наверх, поработать с документами. Надеюсь, папа успеет к ленчу – я сегодня очень вкусный приготовила.

– Если только он, иншалла⁴, выиграет дело, – набожно произнес Мустафа. – В противном случае у него не будет аппетита.

– Он почти никогда не проигрывает! – заметила Первин, хотя дело в то утро слушалось сложное. И она, и Джамшеджи молчали в машине по дороге на работу: он перелистывал свои заметки, она смотрела в окно, думая про их молодого клиента, который томился в тюрьме совсем неподалеку, и гадая, станет ли этот день днем его освобождения.

– Ваш отец выигрывает, потому что Бог даровал ему умение читать мысли за человеческими лицами, – заметил Мустафа. – Для Мистри-сагиба лицо судьи – та же газета.

Первин вздохнула: жаль, что она не обладает тем же талантом. Она понятия не имела, кто этот незнакомец – потерянная душа или провозвестник серьезных неприятностей.

Выбросив из головы неприятное происшествие, Первин поднялась наверх и погрузилась в наполовину дописанный договор о распределении имущества, устроившись на своей половине большого двухстороннего стола из красного дерева. Юридическая документация довольно скучна, однако нюанс смысла одного-единственного слова может обозначать границу между успехом и крахом. За три года изучения юриспруденции Первин многое для себя уяснила, а проработав полгода под началом отца, привыкла к тому, что каждую строку нужно выверять снова и снова.

Солнце пекло все сильнее, Первин включила маленький электрический вентилятор в центральном окне. Мистри-хаус стал первым зданием в квартале, которое платило за электричество, стоило оно дорого, и его полагалось экономить.

Первин посмотрела в окно, на улицу. На пятидесяти квадратных километрах территории Форта когда-то располагалось укрепление, принадлежавшее Ост-Индской торговой компании. Теперь район известен тем, что здесь находится Верховный суд, а вокруг – многочисленные адвокатские конторы. Помимо тех, которые принадлежат англичанам, индуистам и мусульманам, есть и некоторое количество тех, в которых заправляют ее единоверцы – зороастрийцы⁵

---

³ Фета – традиционный головной убор зороастрийцев.

⁴ «Иншалла» (урду) – «Если того захочет Аллах».

⁵ Зороастриец – последователь монотеистического культа – зороастризма, возникшего раньше ислама и христианства; Заратустра – пророк в этой религии.

индийского происхождения. Парсы⁶ составляли лишь шесть процентов населения Бомбея и примерно треть местных юристов.

Иранцы – иммигранты-зороастрийцы, перебивавшиеся сюда начиная с XIX века, – гордились тем, что держат самые лучшие кафе и пекарни, в которых подают еду в традициях их исторической родины, Персии. Среди них и заведение «Яздани», кафе-пекарня на другой стороне улицы. Его ежедневно посещают двести с лишним человек. Сегодня утром входящим и выходящим посетителям приходилось огибать неожиданное препятствие.

Им был тот незнакомец-бенгалец. Он покинул портик, где Первин видела его утром, и устроился в тени от навеса над кафе. Так он мог смотреть на Мистри-хаус и не жариться под безжалостным солнцем.

На Первин накатила тревога, но она напомнила себе, что она на втором этаже Мистри-хауса, откуда ее не видно. Она же со своего шестка видит всё внизу.

В углу кабинета стоял высокий шкафчик фирмы «Годредж», которым пользовалась только Первин. В нем лежали зонты, сменная одежда, статья из журнала «Бомбей самахар», где рассказывалось о ней – первой женщине-поверенном в городе. Поначалу Первин хотела вставить статью в рамку и повесить внизу на стену, рядом с многочисленными грамотами и дипломами Джамшеджи Мистри. Но отец решил, что это слишком, – не надо такое швырять прямо в лицо клиентам, лучше постепенно приучать их к мысли, что их интересы будет представлять женщина.

Первин шарила в шкафчике, пока не отыскала свой перламутровый театральный бинокль. Подойдя к окну, она подкрутила колесико – и вот свирепое лицо незнакомца будто оказалось совсем рядом. Он не походил ни на кого из тех, кого ей доводилось видеть в Форте; не помнила она его и по Калькутте.

Первин отложила бинокль, перебрала неотвеченные письма, пришедшие накануне. Сверху лежал толстый конверт с указанным на нем обратным адресом – Си-Вью-роуд, 22. Уже существующий клиент – вне очереди. А этот клиент, мистер Омар Фарид, владел несколькими текстильными фабриками; два месяца назад он скончался от рака желудка.

Первин прочитала письмо от назначенного душеприказчика, Файсала Мукри. Мистер Мукри хотел, чтобы она внесла в документы изменение, которое сведет на нет процедуру распределения наследства, над которой она как раз работала. Мистер Фарид оставил трех вдов – все они по-прежнему совместно проживали в его доме – и четверых детей на всех: скромное число для многоженца, если верить Джамшеджи.

Мистер Мукри писал, что все вдовы желают отказаться от своих долей в наследстве и пожертвовать их в семейный вакф – благотворительный фонд, из которого ежегодно выделялись деньги на бедных и выплачивались дивиденды оговоренным членам семьи. Да, любой мужчина или женщина вольны отдать другим все, что им заблагорассудится, однако за вакфами пристально следило правительство, чтобы предотвратить мошенничество: внезапное вливание значительных средств может спровоцировать проверку. Первин решила переговорить с отцом, прежде чем отвечать мистеру Мукри.

Она переложила дерзкое послание на отцовскую сторону стола, и тут вошел Мустафа с серебряным подносиком, на котором стояла чашка чая, а в блюдечке были ловко пристроены два английских песочных печенья. Сделав крошечный глоток горячего молочного напитка, Первин спросила у Мустафы:

– Вы выходили на улицу?

– Не выходил. А что?

Не хотелось ей выдавать свою скрытую тревогу, и она ответила:

---

⁶ Парс – зороастриец, родившийся в Индии; «человек из Персии».

– Человек, который перегородил мне вход, теперь расположился на противоположной стороне улицы.

– Так и торчит на Брюс-стрит! – Судя по суровому выражению лица, Мустафа был готов выхватить свою старую винтовку пенджабского полка, которую держал в кухонном шкафчике. – Велите выкинуть его на Эспланаду?

– Полагаю, причин к тому нет. Но если хотите на него взглянуть – вот, пожалуйста. – Первин подошла к окну, взяла бинокль. На то, чтобы объяснить старому слуге, как настроить бинокль под свои глаза, ушло несколько минут.

– Надо же, прямо волшебные очки! Все-то в них видно!

– Смотрите в сторону кафе «Яздани». Видите его?

– Тот, в белой дхоти. – Мустафа вздохнул. – Я вспомнил: он тут ошивался, когда я выходил за молоком.

– И когда это было?

– В обычное время – минут за двадцать-тридцать до вашего прихода.

Получается, что незнакомец наблюдает за зданием уже добрых три часа.

С точки зрения закона он имеет право стоять где вздумается. Но для Первин Брюс-стрит была вторым домом, ей страшно хотелось узнать, кого высматривает этот чужак. Стараясь говорить как можно сдержаннее, она произнесла:

– Пойду спрошу, что он там делает.

Мустафа опустил бинокль, бросил на нее встревоженный взгляд.

– Юная барышня, одна? Это мне полагалось бы отправить этого прохвоста восвояси.

Первин успела пожалеть, что втянула Мустафу в свои заботы.

– Нет, оставайтесь здесь. Вокруг много народу, ничего не случится.

Продолжая ворчать по поводу опасностей, подстерегающих юных дам, Мустафа спустился вслед за ней вниз. Церемонно открыл тяжелую дверь. Театрально нахмурился и, когда она вышла, остался стоять на мраморной ступеньке.

Проехала телега, запряженная буйволом; под ее прикрытием Первин пересекла улицу незамеченной. Когда она приблизилась к бенгальцу, он отреагировал, резко вздернув подбородок. А потом отшатнулся, будто пытаясь скрыться.

– Доброго вам дня, сагиб. Вы работаете неподалеку? – вежливо спросила Первин на хинди.

– Не-е-ей! – хрипло прокашлял он в ответ.

– Сагиб, вы кого-то дожидаетесь на Брюс-стрит?

– Ней! – На сей раз он ответил стремительно и уставился на нее покрасневшими глазами.

Сдерживая дрожь в голосе, Первин продолжила:

– Вы знакомы с Сайрусом Содавалла?

Рот незнакомца раскрылся, обнажив кривые, запятнанные бетелем зубы. Мгновение он стоял неподвижно, а потом пустился наутек.

Первин ошарашенно смотрела ему в спину. Она рассчитывала на отрицательный ответ. Ждала решительного «нет», а не такого вот бегства.

– Хузза! – Мустафа всплескивал руками, как будто она только что заработала очко в крикете.

Первин, потрясенная, не могла заставить себя идти обратно к Мустафе. Она махнула ему в ответ и решила, что лучше заглянуть в кафе.

За стойкой стояла Лили Яздани. Длинные волосы четырнадцатилетняя девочка повязала традиционным платком-матхабаной, поверх красивого желтого сари надела белоснежный фартук. Увидев Первин, она заулыбалась.

– Кем чо⁷, Первин! – поздоровалась Лили на гуджарати.
– И тебе доброго утра, Лили! Ты чего не в школе?
– Вчера трубу прорвало, школа закрыта. – Лили с преувеличенным недовольством опустила вниз кончики губ. – Я две контрольные пропустила!

Первин нахмурилась.

– Надеюсь, наша строительная фирма тут ни при чем. Насколько я знаю, это ведь она строила твою школу.

– Да я этой аварии только рада. Мне больше нравится здесь, печь пирожные с папочкой.

Первин ее слова огорчили. Она все время переживала за Лили: та наверняка слишком рано бросит учебу.

Из кухни вышел Фироз Яздани – круглое лицо блестит от пота. Вытирая о фартук обсыпанные мукой руки, он поинтересовался:

– Какое лакомство вам нынче предложить, голубушка Первин? Дахитаны⁸ пожарили час назад, они вымачиваются в розовом сиропе. И, разумеется, есть кексик с кешью и миндалем, пудинг и корзиночки с ванильным кремом.

Первин слишком переволновалась – вряд ли удастся протолкнуть сейчас в горло что-то сладкое. С другой стороны, без покупки-то не уйдешь.

– Я сегодня должна встретить на причале Баллард старую подругу из Англии. Сложите самые красивые дахитаны в маленькую коробочку.

– Самые красивые и сладенькие. Прямо как вы сама! – Расплывшееся в улыбке лицо Фироза стало похоже на треснувший персик.

– Кстати, а к вам нынче утром не заходил покупатель не из местных?

Фироз озадаченно примолк, зато заговорила Лили:

– Да, был один темнокожий ворчливый покупатель со смешным выговором. Купил пирог с орехами и финиками, а еще миндальной помадки. Я ему сказала: присаживайтесь к столу, – но он сразу вышел наружу.

– И просидел там несколько часов, – прибавила Первин. – Я ему задала вопрос, и он тут же сбежал, как от свирепого английского полицейского!

– Наверное, ночным поездом приехал, потому что вид у него был усталый, – рассуждала Лили. – И спросил с этим своим смешным акцентом, когда у нас открываются конторы адвокатов. Я ответила: большинство в девять, а у Мистри в половине девятого.

– Да как ты смела выдавать такие сведения про наших почтенных соседей? – Фироз укоризненно погрозил дочери пальцем.

Фироз знал про Первин некоторые вещи, которые совсем ни к чему было поминать на людях. Она могла при нем произнести имя Сайруса – и в глазах его мелькнуло бы узнавание. Вот только незачем Первин хвастаться своими былыми ошибками перед впечатлительной дочерью пекаря.

– Акцент у него бенгальский. Вы слышали описание Лили – теперь узнаете? – спросила Первин у Фироза.

Кондитер покачал головой.

– Тесто с кардамоном подходило, я ушел на кухню. Хорошо, что вы отшили этого бродягу!

– Мудрая женщина чует беду заранее, – заметила Лили, завязывая красивый бантик на коробочке со сладостями. – Папа, а ты потом позволишь мне самой вести твое дело, как вот Мистри-сагиб позволяет Первин?

---

⁷ «Кем чо» (гуджарати) – «Привет!».

⁸ Дахитан – обжаренный парсийский десерт.

– Ну, так уж и позволяет! Он еще много лет сможет работать сам, а мне предстоит доказать, на что я способна.

Эти слова Первин произнесла от всей души; быть единственной женщиной-поверенным в Бомбее оказалось совсем не просто. И главная ее задача – не опозорить Джамшеджи Мистри. Именно поэтому ее и смутило появление незнакомца; именно поэтому она не собиралась рассказывать про него отцу.

2. Под покрывалом

Бомбей, февраль 1921 года

Вернувшись в Мистри-хаус, Первин отдала сладости Мустафе на хранение и вкратце пересказала свой разговор с незнакомцем, правда, не упоминая Сайруса. Не хотелось, чтобы болтливый Мустафа вдавался в расспросы. Ей нужно было поработать.

Она поднялась наверх и принялась искать по всем ящикам документы, так или иначе относящиеся к покойному Омару Фариду. Документов было хоть отбавляй: купчие на недвижимость, карты земельных участков, государственные контракты на поставку армейской ткани-хаки. Оторвалась она только через два часа, когда Мустафа постучал в дверь и объявил, что обед на столе. Отец только что вошел и мыл руки внизу.

Первин отложила бумаги.

– Отец сказал, чем закончилось дело?

– Сказал, что голоден.

Первин поспешно спустилась в столовую, где отец уже уселся за длинный стол из розового дерева. Джамшеджи Мистри был подтянутым импозантным пятидесятилетним мужчиной с густой гривой тронутых сединой каштановых волос. Самой выразительной его чертой – Первин ее унаследовала в несколько усеченном виде – был крючковатый нос. Посторонние порой подшучивали над носами парсов, но Первин нравилась эта их общая черта.

Они наклонили головы, пробормотали молитву. Мустафа поставил перед ними тарелки с обедом, присланным Джоном, их поваром, уроженцем Гоа. Джон потрудились на совесть и приготовил кофту из ягненка, куриное карри с тамариндом, бобовое пюре-дал⁹ с горчичными побегам и карамелизованный рис. К ним он добавил острые маринованные овощи, ароматные пшеничные лепешки и жестянку миндально-медового хвороста – хватит на целую неделю.

Мустафа недовольно поморщился, когда Первин попросила положить ей меньше обычного – разыгравшиеся нервы поумерили ее аппетит.

– Папа. Жду, раскрыв уши. Мы выиграли?

Дождавшись, когда перед ним поставят изрядную порцию куриного карри, Джамшеджи заговорил:

– Да, но после долгих прений. Видела бы ты, как улыбался их адвокат, предчувствуя наше поражение!

– Вызывал он нашего клиента давать показания? – Она полагала, что да.

– Еще бы! И у мальчика были готовы ответы на все вопросы.

Этим мальчиком был Джаянт, двадцатилетний портовый грузчик, которого обвинили в подстрекательстве к беспорядкам – он якобы создал объединение рабочих. Памятуя, как сильно англичане боятся коммунистов, Первин предложила представить Джаянта трудягой без всяких политических убеждений, которого заботило одно – безопасность труда докеров. Кстати, подчеркнула она, это и его нанимателю будет полезно: уменьшится число несчастных случаев и смертей – а заодно и перерывов в работе.

– Отлично, – сказала Первин, довольная тем, что ее наставления сработали. – И какое решение принял судья Торп?

– Снял все обвинения. По решению суда Джаянта должны взять на прежнее место и оплатить ему три месяца работы – с того момента, как его уволили. Этого я не ждал.

Первин захлопала в ладоши.

– Отлично! Жаль, я не слышала твоего выступления.

Джамшеджи назидательно воздел палец.

---

⁹ Дал (хинди и многие другие языки) – блюдо из чечевицы.

– О да, но ведь ты работаешь с контрактами, а именно от них зависит прибыль нашей конторы. Без контрактов и завещаний мы не могли бы никого защищать бесплатно, как Джаянта.

Это, пожалуй, была первая похвала, которую Первин получила за полгода своей работы. Она исполняла функции не только поверенного, но и секретаря, переводчика и бухгалтера – но кто она такая, чтобы роптать? Никакая другая адвокатская контора в городе не возьмет женщину-поверенного.

– Папа, а ты сегодня утром ждал посетителя?

– Это как-то связано с тем, что ты пялишься на незнакомцев в бинокль?

Первин отправила в рот ложку риса, прожевала. Похоже, Мустафа рассказал отцу об утреннем переполохе. Надо бы сказать правду, но, с другой стороны, не хочется, чтобы отец нервничал.

– На той стороне улицы три часа простоял какой-то бенгалец. Я в конце концов пошла спросить, что ему нужно. Он ничего не ответил и сбежал.

Джамшеджи покачал головой.

– В любимый наш Форт в последнее время кого только не понаехало. Но негоже женщине подходить к мужчине на улице.

От осуждающего отцовского тона в Первин всплеснулась досада.

– Да я же к нему не подходила...

– Ты перешла через улицу, приблизилась к нему! Ты это в Оксфорде набралась таких европейских замашек?

– Нет... я... – Первин почувствовала, что краснеет. – Я в первый момент подумала, что он ждет тебя. Может, пришел на встречу или недоволен результатом какого-то дела.

– За последний год у меня были клиенты из всех общин, кроме бенгальцев, – произнес Джамшеджи, и голос его резал слух, как скрежет половника Мустафы по фарфоровой миске для риса. – Не переживай. Сосредоточься на работе с контрактами.

– Хорошо. Не лишаться же титула Короля Контрактов, – саркастически парировала Первин.

– А ты трудись поусерднее – получишь титул Королевы Контрактов. – Джамшеджи усмехнулся.

– Кстати о контрактах: мы получили запрос от семейства Фарид. Пояснительную записку написал мистер Мукри, управляющий имуществом. Он пишет, что три вдовы мистера Фариды хотят отказаться от своей доли приданого и передать его в семейный вакф.

Первин не стала скрывать своей озабоченности по поводу того, что все три женщины, у которых больше не будет мужа-добытчика, готовы отдать все свои средства в благотворительную организацию.

Но Джамшеджи не стал говорить о вакфах. Поглаживая подбородок, он заметил:

– Ты, насколько я понимаю, имеешь в виду их махры.

– Именно. – Первин вздохнула, зная, что нужно было употребить именно это слово, если речь шла об особом двухчастном приданом, которые женщины-мусульманки получают от семьи мужа. Первая часть символизирует, что невесту приняли в семью; вторая, которую выплачивают при разводе или по смерти мужа, служит материальной гарантией того, что с женщиной до конца жизни будут обращаться по справедливости.

– Бомбейские судьи нынче довольно придирчивы, когда речь заходит про махр. Давай-ка я просмотрю документы.

Первин принесла сверху оба письма, отец вытащил золотой монокль и стал разглядывать добротную веленевую бумагу. Потом покачал головой.

– Бред полный!

Первин все это время сидела на кончике стула и ждала такого заключения.

– Да, разве не странно, что они все три готовы внести изменение, которое не соответствует их интересам, и при этом две подписи почти одинаковые? И какое удобство для судьи: письмо написано по-английски! Вот только неужели все эти женщины свободно им владеют?

– На последний вопрос я ответить не могу, потому что никогда с этими дамами не встречался. Однако к делу нужно подходить беспристрастно. – Джамшеджи бросил на дочь укоризненный взгляд.

Первин не стала скрывать своего удивления.

– Ты хочешь сказать, что столько лет представлял интересы мистера Фариды и ни разу не говорил с его женами?

– Именно так, – подтвердил отец и жестом попросил Мустафу принести чай. – Вдовы Фариды живут в строгом уединении. После смерти моего клиента единственным мужчиной в семье остался младенец, сын второй жены.

– Пурдунашин не говорят с мужчинами, – подтвердил Мустафа, входя с серебряным чайником. – Моя мать и сестры так и не закрылись, но среди богатых это не редкость. Особенно среди ханафиток.

Первин всегда ценила познания Мустафы в тех областях, в которых сама разбиралась плохо. На смену страху за будущее трех женщин пришло любопытство. Богатые, живущие в изоляции мусульманки могут стать ее специализацией.

– Мустафа, «пурду», насколько я знаю, означает «покрывало». А «нашин» – это «женщина»?

– Я думал, ты изучала урду, – прервал ее отец. – «Нашин» означает «сидящий» или «обитающий». То есть «пурдунашин» – «та, что живет под покрывалом».

Первин пригубила восхитительный чай Мустафы – смесь нескольких сортов дарджилинга, заваренная с молоком, кардамоном, перцем и щедрой порцией сахара.

– А что ты скажешь про управляющего, мистера Мукри? – спросила она у отца. – Мне нужно бы с ним вместе разобрать ситуацию с имуществом, но он не отвечает на мои многочисленные письма.

– Мукри был у Фариды одним из бухгалтеров на текстильной фабрике. Когда Фаридсагиб заболел, Мукри перебрался к нему поближе. Мы виделись, когда он приходил подписывать бумаги, связанные с его назначением управляющим имуществом и опекуном домочадцев. Совсем молодой человек, но с нашим клиентом обращался в высшей степени почтительно.

– Ну еще бы! Но давай вернемся к его письму, подписанному вдовами. Мне кажется, две подписи проставлены одной рукой.

Джамшеджи просмотрел письмо, вернул дочери.

– Да, подписи Сакины и Мумтаз действительно похожи. Подпись Разии от них отличается.

– Я прошу прощения, сагиб, но следует добавлять «бегум», – вмешался Мустафа из угла, где стоял в ожидании дальнейших распоряжений. – Обращаясь к высокородным замужним дамам, нужно обязательно говорить «бегум».

Первин кивнула Мустафе, а потом продолжила:

– Полагаю, Разия-бегум сама поставила свою подпись. А что, если за двух других расписался кто-то еще, например мистер Мукри?

– Теория заговора! – проговорил с ухмылкой Джамшеджи. – Нам-то откуда знать?

– Разве не следует их спросить?

Джамшеджи так резко опустил чашку на блюдечко, что оно задребезжало.

– Я же уже сказал: дамы живут затворницами. Я ни разу не пересматривал документы на махры с тех пор, как составил их много лет назад. Напомни: вдовьи доли одинаковые? Так оно всегда лучше, если у мужа осталось несколько вдов.

– Махры у них совершенно разные, – ответила Первин, обрадовавшись, что отец решил задать ей этот вопрос. – Первой жене, Разии-бегум, твой клиент оставил землю: четыре акра в Джирангаоне, причем на участке стоят две текстильные фабрики, построенные в 1914 году.

Джамшеджи взял чашку, сделал длинный глоток.

– Дар воистину щедрый, но в 1904 году там еще было болото. Ты хочешь сказать, что теперь там стоят те самые фабрики, на которых он сколотил свое состояние?

Первин кивнула, гордясь тем, что отыскала важную для отца информацию.

– Я сверилась с картой его владений, которая есть в нашем досье. Вторая часть махра, подлежащая выдаче после смерти супруга или развода, обозначена в пять тысяч рупий. – Первин порадовалась, что у нее под рукой бумаги и она не запутается в деталях. – Вторая жена Фарид-сагиба, Сакина Шивна, получила совсем другой махр: комплект драгоценностей из бриллиантов и изумрудов, состоящий из серег, ожерелья и браслетов. В качестве второй части махра ей тоже назначено пять тысяч рупий.

– Мистер Фарид был уже достаточно богат, когда взял вторую жену, – заметил Джамшеджи. – Не припомню, сколько стоят эти драгоценности, но у нас есть документы на страховку многих его ценных вещей.

– А зачем мистер Фарид решил жениться во второй раз? – спросила Первин. Да, отец сказал много добрых слов про своего клиента, и все же ее несколько смущала полигамия, которой все еще придерживались многие мусульмане и даже некоторые представители индуистской элиты. Более того, примеры полигамии наверняка можно было найти и в семьях ее родителей. У парсов полигамию объявили незаконной только в 1865 году.

– По понятной причине. – Джамшеджи приподнял густые, с проседью брови. – Наследник.

– Но первая жена, Разия-бегум, родила ему дочь – ей, насколько я помню, сейчас одиннадцать лет, – не повышая голоса, произнесла Первин. – У него была наследница.

– Но сына-то не было, а нужен был тот, кто станет руководить фабриками. Родители мистера Фариды настояли на втором браке и нашли ему Сакину Шивну. Велико, скажу я тебе, было разочарование, когда она родила двух дочерей подряд. Сын Сакины-бегум родился полтора года назад. К тому времени недовольные бабка с дедом уже скончались.

– Ну, вот, получил он своего сына. – Первин скрестила руки на груди. – Зачем же ему понадобилась третья жена?

– С Мумтаз он познакомился только в прошлом году и женился на ней за пять месяцев до смерти. Сам сделал этот выбор, совершенно законный. – Джамшеджи покачал головой. – Хотя мне он кажется довольно странным.

Первин тут же ухватила за эту фразу.

– Что ты этим хочешь сказать?

Джамшеджи гонял по тарелке несколько оставшихся зернышек риса.

– Она была музыкантшей, работала в районе развлечений на Фолкленд-роуд.

– Вот откуда ее махр: два ситара¹⁰ и одна вина¹¹, – задумчиво произнесла Первин. – А она знала, что он долго не проживет?

– Безусловно, – кивнул Джамшеджи. – Он на тот момент уже был тяжело болен. Но эти музыкальные инструменты – мелочь в сравнении с тем, что получили другие. Вряд ли она вышла за него ради денег.

– Посмотри-ка, – сказала Первин, с удвоенным интересом рассматривая брачный договор Мумтаз. – Этот документ она в июле 1920 года подписала крестиком. А на новом письме стоит

---

¹⁰ Ситар – струнный щипковый музыкальный инструмент, похожий на лютию.

¹¹ Вина – старинный индийский музыкальный щипковый струнный инструмент, используемый для исполнения традиционной музыки; игра на вине требует большого искусства.

полная подпись. Она что, обучилась грамоте за последние семь месяцев? Я бы хотела спросить ее, почему так.

Джамшеджи моргнул.

– В каком смысле – спросить?

Первин обгоняла собственные мысли. Набрав полную грудь воздуха, она выпалила:

– Как ты думаешь, мусульманки-затворницы согласятся встретиться с женщиной-юристом?

Отец смерил ее долгим взглядом.

– Не исключено.

– Я бы предпочла поговорить с ними напрямую, чем продолжать одностороннюю переписку с мистером Мукри. – Первин старалась следить, чтобы голос звучал сдержанно и деловому.

Джамшеджи допил остатки чая, поставил чашку на стол.

– Я не уверен, что ты готова вести деловые беседы с затворницами. Это требует большой осмотрительности.

Первин обиделась.

– Я всегда осмотрительна!

– Нет, – с мягкой улыбкой отозвался ее отец. – Ты напориста и нетерпелива. Я ведь слышал, что ты там говоришь о правительстве.

Первин скорчила ему рожу.

– Только в узком кругу. Я же знаю, как нашей строительной фирме нужны государственные контракты.

– Да и про права женщин ты говоришь больше, чем большинство людей готовы услышать.

– Другие женщины-парсийки делают то же самое. Мамины благотворительные организации постоянно занимаются обеспечением женщин и их образованием.

Первин чувствовала себя уверенно, потому что отец охотно жертвовал деньги на материнские начинания.

– Этим дамам твои рассуждения покажутся латынью, они же всю жизнь провели взаперти. Урду ты знаешь совсем плохо, да и магометанский закон почти не изучала.

Это критика от души – или отец просто пытается понять серьезность ее намерений? Первин изо всех сил старалась говорить невозмутимо:

– Я читала «Принципы магометанского закона» мистера Муллы, там объяснено все, что мне нужно знать. А с дамами я поговорю на индустани, они наверняка поймут.

– Полагаю, они никогда в жизни не видели парсов, – заметил Джамшеджи.

Тут Первин не выдержала:

– Папа, ты владелец единственной в Бомбее юридической фирмы, где есть сотрудник, который может напрямую общаться с затворницами. Почему не воспользоваться доселе не нашедшим должного применения ценным активом – твоей дочерью?

Джамшеджи на долгий момент прикрыл глаза. А потом открыл и серьезно посмотрел на дочь.

– Если ты туда пойдешь, проведи, пожалуйста, консультацию с той же степенью уважения, что и с нашими клиентами-мужчинами. Если Омар Фарид узнает, что я без должной почтительности обслуживаю членов его семьи, он восстанет из могилы.

– А он уже не в могиле. Он на небе! – уточнил из угла Мустафа.

– Мистер Фарид улыбнется нам с облаков, когда я помогу его родне, – завершила разговор Первин и, наклонившись, поцеловала отца в щеку.

После обеда Джамшеджи отправился пешком в клуб «Рипон». Первин знала, что, прийдя в клуб – его посещали только парсы, – он устроится в тиковом кресле с удобными подлокот-

никами (в эти кресла некоторые поверенные – какой позор! – порой залезают с ногами, да там и похрапывают). Джамшеджи, наверное, рассчитывает на похвалу друзей, бокал портвейна, а потом спокойно вздремнуть.

Первин снова поднялась наверх, подошла к шкафу, где хранились клиентские досье. Дверца распахнулась, Первин вдохнула душноватый запах камфоры и уставилась на ряды картонных, тканевых и кожаных папок.

Через несколько минут взгляд ее нашарил тонкую папочку с газетными вырезками. Омар Фарид скончался в прошлом году в возрасте сорока пяти лет, а вырезки в папке были только за последние пять лет его жизни. Вот статья 1915 года о том, как компания Фариды построила новый комбинат, где предстояло изготавливать ткани для нужд индийской армии. Вот еще одна заметка, от 1917-го, – в ней речь шла о пожертвованиях мистера Фариды в фонд помощи раненым, возвращающимся из Европы. А вот некролог от декабря 1920 года, где упоминаются и фабрики, и благотворительная деятельность. Последняя строка гласит: «У мистера Фариды осталась семья, в том числе один сын».

Жены и дочери в некрологе не упомянуты. Их не сочли для этого достаточно важными... или редактор «Таймс» решил, что полигамность выставит индийского бизнесмена-филантропа в черном свете?

Первин рассмотрела маленькую фотографию, помещенную рядом со статьей о благотворительных пожертвованиях. С виду Омар Фарид был человеком серьезным, уважаемым. Шапочка-тюбетейка оттеняла его узкое лицо с суровыми глазами и крупным орлиным носом. Одет он был в курту¹² с воротником-стойкой и темный сюртук-шервани¹³. Его изящная, вязанная крючком тюбетейка была похожа на ту, которую носит Мустафа.

Последний брак мистер Фарид заключил всего за пять месяцев до смерти. Каким, видимо, потрясением это стало для его двух жен – тем более что новая жена оказалась музыкантшей, ранее работавшей на Фолкленд-роуд, где секс продается так же свободно, как и опиум.

Еще до того, как отец ушел в клуб «Рипон», Первин спросила, не могла ли последняя жена оказаться мошенницей.

– В это проще всего поверить, – ответил ей Джамшеджи, – но перед лицом смерти человек не обязан соблюдать общественные нормы. Он не нуждается в чужом разрешении для того, чтобы поступить, как считает нужным.

Первин поняла – знала по собственному опыту.

---

¹² Курта (урду) – мужской костюм из длинной рубахи и брюк.

¹³ Шервани – длинный мужской двубортный кафтан на пуговицах.

3. Дух экстаза

Бомбей, февраль 1921 года

Около трех часов пополудни в кабинет на втором этаже влетел Мустафа.

– «Лондон» пришвартовался! Мне с крыши в очках видно до самого причала Баллард.

– Отлично! – Первин захлопала в ладоши. Уж кто-кто, а Элис сумеет отвлечь ее от мрачных мыслей.

В окно влетел порыв ветра, зашелестел бумагами на столе. Первин собрала документы и подумала про холодные сырые ветра, которые постоянно дули в лицо им с Элис, когда они ходили из колледжа Святой Хильды на разные лекции. Как они болтали, смеялись – как делились секретами. И ведь это можно вернуть, если она раскроет подруге душу.

Дружба их началась с того, что Первин выслушала признание Элис. Слова юной англичанки о том, что в шестнадцать лет ее исключили из Челтнемского женского колледжа, застав в постели с другой девушкой, поразили Первин до глубины души. У них считалось совершенно естественным, когда родственницы и подруги спали вместе. Но когда Элис заговорила о том, что по-прежнему тоскует по той давней однокласснице, Первин поняла, что отношения между женщинами бывают самые разные.

В Святой Хильде Элис усердно изучала математику, чтобы избыть боль первой любви. Никто, кроме Первин, не знал правды, да и о прошлом самой Первин слышала из всех одна только Элис.

Первин гадала, много ли Элис рассказывала об их студенческой дружбе своим родителям. Учитывая былые перипетии, Хобсон-Джонсы наверняка с подозрительностью относились ко всем подругам Элис. Первин решила, что постарается вести себя безупречно.

Причал Баллард находился в двадцати минутах пешком, но Первин не хотелось явиться туда вспотевшей, с помятыми сладостями. Куда проще доехать в начищенной до блеска коляске рикши Рамчандры, в которой, кроме прочего, есть еще и козырек от солнца.

Рамчандра резво промчал ее по улицам до причала, а там она увидела внушительный белый корпус судна компании «Пасифик энд Ориентал», возвышавшийся за высокой каменной стеной.

Выйдя из коляски, Первин расплатилась с Рамчандрой – тот поспешил к подманивавшему его матросу. Вытащила табличку, которую написала на обороте пустой папки: «МИСС ЭЛИС ХОБСОН-ДЖОНС». Подняв табличку повыше, она оказалась в компании сотен шоферов, прибывших встречать судно, сплошь мужчин, – но что ей оставалось делать?

Первин вытягивала шею, высматривая Элис, и тут рядом раздался голос с английским выговором:

– Вы мисс Первин Мистри?

– Она самая. – Первин выжидательно обернулась к рыжеволосому джентльмену.

– Я мистер Мартин, секретарь сэра Дэвида Хобсон-Джонса. Он и остальные ждут вас.

В последней фразе Первин уловила нотку укора.

– Вы хотите сказать, мистер Мартин, что все ждут, пока Элис перевезут на берег?

– Мисс Хобсон-Джонс покинула судно двадцать минут назад. Ее багаж уже погружен, сама она сидит в автомобиле, так что милости прошу.

Кем он себя считает, этот педант? Первин последовала за напыщенным секретарем – пробравшись сквозь толпу, они оказались у проезжей части, и он остановился рядом с длинным блестящим серебристым автомобилем.

Первин так и ахнула.

– Это «Серебристый призрак»?

Она знала точно, что это «Роллс-Ройс». На сияющем капоте блестело изящное украшение: молодая женщина, подавшаяся вперед, – сейчас прынет и оживет, – руки раскинуты, точно крылья.

– Совершенно верно, – подтвердил Мартин. – Подарок губернатору от правителя одного из соседних княжеств.

– Ну и подарок! – Про себя она гадала, какой любезности раджа теперь ожидает в ответ. Или этот дар – просто способ похвалиться своим богатством?

– Первин! Ты здесь, я так на это надеялась! – Элис с трудом вылезла с заднего сиденья. Еще миг – и Первин в ее сари из тонкого шелка оказалась притиснута к теплому, пахнущему мятой телу Элис.

Обхватив руками объемистый стан подруги, Первин произнесла:

– Прости, что заставила ждать. Я должна извиниться перед твоими родными за эту задержку.

– Чушь и чепуха! Я совсем недавно с борта, мама едва успела запустить в меня свои коготки. Ты не поверишь...

– Во что я не поверю? – Очень светловолосая женщина, на вид едва старше Элис, смотрела на них из открытой машины-кабриолета. Она выглядела мило и несколько слащаво в светло-фиолетовом платье и таком же капоре, отделанном белыми шелковыми розами. Первин посмотрела на Элис, отыскивая в ней черты этого изумительного создания, но не нашла ничего, кроме сходства в цвете волос.

– Ни во что! – ответила Элис.

По сарказму в ее голосе Первин поняла: отношения у матери с дочерью не самые безоблачные. Ну, а отец Элис? Первин окинула взглядом рослого джентльмена средних лет в бежевом льняном костюме и матерчатой панаме. Ростом ее подруга пошла в отца.

Элис взяла Первин за руку, будто в студенческие годы.

– Мамуля, папа, это моя самая лучшая подруга, Первин Мистри. Первин, позволь представить тебе мою маму, леди Гвендолен Хобсон-Джонс, и моего отца, сэра Дэвида Хобсон-Джонса.

– Мы столько слышали про ваши с Элис проделки в Оксфорде! – сказал сэр Дэвид. Густой загар у него на лице был типичен для англичанина, долго прожившего в Индии. Когда он улыбался, зубы ярко белели на фоне кожи.

– Вы, значит, Первин. – Имя ее Гвендолен Хобсон-Джонс произнесла медленно, будто название какого-то экзотического места. – И что это имя означает на вашем языке?

– Оно означает звезду сразу на трех языках: персидском, арабском и урду. Имя мне выбрал дедушка. – Закончив фразу, Первин испугалась, не слишком ли много себе позволила.

– Элис говорит, что вы были единственной студенткой, изучавшей юриспруденцию в Святой Хильде; выходит, и в ином смысле вы тоже звезда. – Сэр Дэвид снова улыбнулся своей очаровательной улыбкой.

– Не совсем так. До меня были и другие, – уточнила Первин. Она пыталась разобраться, в каком же с ней говорят тоне: искренне приятном или покровительственном.

– Первин, найдется у вас время доехать с нами до дома – тут недалеко? – спросил сэр Дэвид. – Мы устраиваем небольшой чайный прием в честь приезда Элис.

Судя по приглашению, сэр Дэвид все-таки говорил искренне. Однако, заглянув в машину, Первин так и не поняла, как она в ней поместится. Мистер Мартин – лицо его стало хмурым – наверняка сядет с водителем, а сзади – Элис как раз залезла на свое место рядом с отцом и матерью – уже не пристроишься.

– Вы очень любезны, – сказала Первин. – Если это не будет с моей стороны навязчивостью...

– Поехали, конечно! – объявила Элис.

– Хорошо. Назовите мне адрес, я возьму такси и поеду следом, – сказала Первин, зная, что на Малабарский холм рикше подняться будет трудно.

– Ничего подобного, – отрубил сэр Дэвид. – Вы поедете с нами.

– Но с нами едет мистер Мартин! – возразила леди Хобсон-Джонс.

Мистер Мартин приблизился к сэру Дэвиду, повернувшись спиной к Первин.

– Я хотел бы объяснить вашей дочери, как здесь устроена светская жизнь среди молодежи...

– В другой раз, – отрубил сэр Дэвид. – Сейчас доставьте-ка мои бумаги в секретариат. А мисс Мистри поедет с нами.

– Слушаюсь, сэр Дэвид, – ответил секретарь. – Следует ли мне зайти к мисс Хобсон-Джонс позднее?

– Нет. Увидимся завтра на работе. – Когда молодой человек сокрушенно зашагал прочь, сэр Дэвид лукаво посмотрел на Первин и Элис. – Да уж, выпускников Лондонской международной школы не мешало бы понатаскать в вопросах этикета.

– Стоит его отправить в Швейцарию, – пошутила Элис.

– Надеюсь, вы не возражаете против того, чтобы сесть рядом с шофером. А то сзади нас трое, тут тесновато. – Леди Хобсон-Джонс улыбалась слегка смущенно, как будто из опаски создать впечатление, что ей будет неловко сидеть рядом с Первин.

– Нет, конечно, – ответила Первин с улыбкой. – Мне будет очень приятна близость крошечной серебристой дамы.

– Официально эта эмблема называется «Дух экстаза», – сообщил сэр Дэвид. – Прелестна по дизайну, как и сама машина.

– А папина машина едет прямо за нами – «Кросли», набитый моими чемоданами. Поэтому нам и дали на время «Роллс» Джорджи.

У губернаторского шофера, сикха в форме цвета хаки, на лице не дрогнул ни один мускул – он, похоже, делал вид, что не замечает неуважительности этого «Джорджи», равно как и неуместности того, что Первин сидит с ним рядом. Первин же твердо решила получить от столь необычайной поездки как можно больше удовольствия и, отъезжая, помахала зевакам рукой.

Она ощущала себя актрисой. Одинокая женщина-индианка сидит на переднем сиденье губернаторской машины – решительно невозможная вещь, о которой еще немало посудачат в Бомбее у очагов, на верандах и в кухнях.

– А где мы находимся? – поинтересовалась Элис, когда причал скрылся из виду.

– На эспланаде Кеннеди, но неофициально эту извилистую прибрежную дорогу называют «Ожерелье королевы» – она на него похожа ночью, когда горят фонари, – пояснила Первин, радуясь возможности продемонстрировать свои знания. – А на пляже Чаупатти ты увидишь толпу людей – все пришли полакомиться бризом, как это называется на хинди. Справа как раз строятся особняки и отели. Мой брат недавно заложил фундамент многоквартирного дома справа вон от того белого здания.

– А на кого работает ваш брат? – поинтересовался сэр Дэвид.

Первин повернулась к заднему сиденью, чтобы ответить отцу Элис.

– На строительную фирму Мистри. Он недавно стал исполнительным директором.

Сэр Дэвид помолчал немного, а потом рассмеялся.

– Ну надо же, а я-то не понял, что вы из этих Мистри! Это ваша семья построила современный Бомбей! Между прочим, у меня на столе лежит предложение лорда Тата касательно застройки береговой линии Бэк-Бей, и Мистри назван там в качестве основного подрядчика.

– Какое совпадение. – Первин стало неловко. Она ведь просто хотела дать родителям Элис понять, что брат ее – не какой-то там мелкий служащий, работающий на англичан. А теперь они небось примут ее за своекорыстную индианку, как бы ни противно ей было это мерзкое клише.

Первин снова посмотрела на эспланаду Кеннеди. Ближе к берегу, в уличных кафе-дхаббах¹⁴, построенных прямо на песке, торговцы подавали клиентам еду и чай.

Молодой парс с курчавыми черными волосами стоял у дверей одной из дхабб и разговаривал с низкорослым поваром-индусом. Долговязая фигура парса показалась ей знакомой, как и его крючковатый нос. Он был в английском костюме и слегка опирался на трость.

Первин зажала рот ладонью. Сайрус Содавалла. Может, правда, и не он – но точная копия мужчины, которого она уже четыре года пыталась забыть.

Первин отчаянно напоминала себе, сколько в Бомбее мужчин со светлой кожей и курчавыми черными волосами: тысячи армян, англо-индийцев и евреев. Да Сайрус и не пользовался тростью.

«Серебристый призрак» летел слишком стремительно. Дхабба осталась позади. И хотя Первин и вытянула шею, через несколько секунд незнакомец превратился в крошечную черную точку.

Первин перевела дыхание. Исчез. Ей еще повезло, что он не заметил машину.

– Первин, что мы пропустили? – поинтересовалась Элис. – Можно подумать, ты увидела демона.

---

¹⁴ Дхабба (хинди и многие другие языки) – придорожное кафе.

1916

4. Последнее занятие

Бомбей, август 1916 года

Первин опаздывала и, поспешно входя в здание Государственной юридической школы, тихо молилась, чтобы ее не заметили. Въезд на Брюс-стрит, где нужно было высадить отца, перекрыла какая-то телега. Из-за задержки Первин оказалась в колледже Эльфинстон вскоре после девяти – оставалось уповать на то, что преподаватель еще не в аудитории.

Хотя фамилия Мистри находилась в середине алфавитного списка, лектор дал Первин место в заднем ряду, явно подчеркнув, что она «на особом положении» и не получит диплома юриста. Сегодня это было как раз кстати – удастся войти достаточно незаметно. Но, едва усевшись, она с ужасом поняла, как что-то холодное просачивается сквозь ткань сари.

Неужели опять? Вот ужас!

В первый раз ложбинку в деревянном сиденье заполнили водой. В другой раз – черным кофе: по счастью, она заметила и так туда и не села. А на сей раз проверять оказалось некогда. Что это за жидкость, она узнает только после окончания лекции, когда доберется до безопасного убежища – дамской уборной. На сей раз было не только мокро, но еще и липко. Зловещий знак, как и кривые ухмылки на лицах соседей-студентов.

Когда в первом семестре Первин жаловалась Камелии Мистри на шутки однокурсников, та приходила в ужас.

– Расскажи преподавателям! Это же совершенно недопустимо.

Первин объяснила, что рассказывать бессмысленно.

– Преподаватели и сами не больно-то рады видеть меня в аудитории, так что это не поможет. А однокурсники, узнав, что я пожаловалась, будут только сильнее надо мной издеваться.

Впрочем, и без этого жизнь становилась все тяжелее. Две недели назад в «Таймс оф Индия» были опубликованы результаты экзаменов, и Первин Мистри оказалась на второй строке в списке первокурсников – кандидатов на звание бакалавра юридических наук.

Устроили семейный праздник, Джон испек ее любимый кремовый десерт лаган-ну, папа открыл три бутылки «Перье-Жуэ». В дом весь день и весь вечер заглядывали соседи, лакомились сладостями, приносили поздравления.

А вот ее соученики совсем не обрадовались.

Когда в следующий раз она по рядам передала проктору свое сочинение, до преподавателя оно так и не дошло и он поставил ей «неудовлетворительно». Как-то днем некий джентльмен, якобы из учебного отдела, позвонил им на домашний номер и оставил сообщение: завтрашнее занятие неожиданно отменили. Первин заподозрила неладное, решила проверить – и попала на свое место как раз к самому началу проверочной работы.

Сегодняшнее отмщение однокурсников явно оказалось сладким – если судить по веренице муравьев, поднимающихся по ножке стула. Первин с трудом разбирала, что говорит профессор Адакар: сидела и смотрела прямо перед собой. И в голове у нее слова, которые он писал на доске, – что-то там о праве на судебное разбирательство – замещались проклятыми словами, которые один из студентов на первой неделе прошипел ей в ухо:

– Ты не имеешь права здесь находиться! Всем нам будущее испортишь.

Он обозвал ее строптивой интриганкой. Как будто это она пыталась превратить чью-то жизнь в ад, а не эти несчастные паршивцы.

– Тамариндовый чатни, – произнесла Гюльназ, морща нос над шелковым сари, который держала сантиметрах в десяти от носа. – Эти свиньи, похоже, притащили его из столовой в своей общаге.

– Точно тамариндовый? – Первин, в блузке и нижней юбке, стояла в дамском салоне школы. Во время перерывов студенткам полагалось находиться только здесь. Гюльназ Банкер и Хема Патель дружно взялись за ее сари и с помощью мыла и воды, принесенных из уборной, бились с пятнами не на жизнь, а на смерть.

Хема бросила на Первин сочувственный взгляд.

– Мы вот всё думаем: чего бы тебе, как и нам, не заняться литературой? Нас все-таки четыре девушки в одной группе. Мужчины ни одну не рискуют обидеть, зная, что на ее защиту встанут все остальные.

– Я не могу сменить специализацию. Отец хочет, чтобы я стала первой женщиной-поверенным в Бомбее.

Гюльназ, учившаяся на курс старше, но сохранившая прелесть розового бутона и миниатюрность форм, что делало ее на вид моложе, заговорила мягким голосом:

– Первин, ты же у нас решительная. Может, ответишь им, как они того заслужили? Наверняка же ты мечтаешь настучать им по их дурным головам, как настучала в школе Эстер Ваче.

– Это было восемь лет назад, и она насыпала песка мне в тарелку! – Первин раздосадовало, что Гюльназ об этом помнит. – Я из такого уже выросла. Стараюсь по мере возможности смотреть в тетрадку, хотя преподавателю в результате кажется, что я его не слушаю. А все остальные смеются – и это так ужасно!

Первин почувствовала, как по щеке скатывается незванная слезинка.

– Бедняжка! – Голос у Гюльназ был встревоженный. – Не плачь. Сари почти как новенькое. Сейчас повесим у окна на просушку.

Первин протянула к сари руку.

– Лекция по индийскому законодательству начинается через двадцать минут. Так что сушить некогда.

– Сколько манго ни торопи, они быстрее не созреют, – заметила Хема. – Сядь и подыши поглубже.

От их заботы Первин только сильнее разнервничалась.

– Если не пойду на лекцию, пропущу проверочную.

– Потом напишешь, – отрезала Гюльназ. – Все лучше, чем публичный позор.

Первин вырвала у подруг сари.

– А как я объясню преподавателю свое отсутствие? Пятно на одежде? Он решит, я типичная безмозглая девица!

– Пятно-то мокрое. Кто-то может подумать...

Гюльназ умолкла. Она тоже была из парсов и выросла в очень строгих понятиях о гигиене.

– Шелк быстрее высохнет снаружи, на солнце, чем в этой сырой дырище. А еще я придумала, как я его надену!

Первин объяснила, что, если надеть сари, как это делают индуисты, свесив паллу вдоль спины, пятна будет не видно. Арадхана, индуистка, сидевшая за книгами у одного из столов, тут же поспешила на помощь.

Первин вышла во двор Эльфинстона, по бокам от нее шли Гюльназ и Хема.

– Смотрите-ка! – Гюльназ указала пальцем. – Эстер Вача сидит с мужчиной!

Проследив за возмущенным взглядом подруги, Первин увидела чугунную скамью, на которой сидела и хохотала ее бывшая школьная врагиня. Рядом с ней пристроился молодой человек, хорошо одетый, явно парс; на лоб ему ниспадали густые черные кудри. У спутника

Эстер был притягательный профиль с орлиным носом, глядя на который Первин вспомнила портреты древней персидской знати.

– Он не из здешних студентов. Кто бы это мог быть? – с любопытством спросила Хема.

Первин каких только студентов не навиделась в колледже, но такого красавчика среди них не было.

– Я его раньше никогда не видела. На вид настоящий денди.

– Это мне без разницы. А вот за то, чтобы у детей моих были такие кудри, я бы полжизни отдала, – высказалась Гюльназ.

– Вечно ты о замужестве! – укорила ее Первин, а Хема схватила их обеих за руки и повела к скамье.

– Добрый день, Эстер, – поздоровалась Хема. – Первин хочет знать, как зовут твоего особенного друга.

Эстер с высокомерием улыбнулась.

– Хорош, правда? Мой двоюродный брат, приехал погостить из Калькутты. Мистер Сайрус Содавалла.

– Польщен, – произнес молодой человек с легким поклоном. Окинул взглядом всех трех, остановился на Первин. – Ведь представляться положено обеим сторонам, верно?

– Мисс Первин Мистри, первая женщина – студентка Государственной юридической школы. Моя троюродная сестра, – с деланой улыбкой произнесла Эстер. – Мисс Гюльназ Банкер и мисс Хема Патель изучают литературу.

– Я по имени поняла, что вы шипучий, – пошутила Хема, и Первин невольно скривилась.

Сайрус Содавалла улыбнулся, продемонстрировав безупречные зубы.

– Когда мой дед приехал из Персии, он поначалу продавал шипучку в бутылках. Англичане проводили перепись, решили дать ему фамилию, так все и получилось. Содавалла – торговец содовой.

Первин отметила, что выговор у него особый – видимо, калькуттский.

– Моему дедушке тогда же дали фамилию, – проворковала Гюльназ. – Вот теперь я и живи под этой скучной «Банкер».

– Мисс Мистри, а вы тоже из парсов? – спросил Сайрус, внимательно вглядываясь в то, как на Первин надето сари. У остальных головы были покрыты, длинный лоскут обернут вокруг торса и изящно подоткнут на талии; у нее все было иначе.

Первин вспыхнула.

– Да. Я просто сари ношу по-другому.

– Вот ведь незадача, что вам всем уже по девятнадцать лет, – ехидным тоном произнесла Эстер. – Сайрус приехал выбирать себе невесту, а в его семье ни на кого старше восемнадцати и смотреть не будут.

– Потому что вы тоже очень молоды, мистер Содавалла? – саркастически осведомилась Первин. У двоюродного брата Эстер на щеках и шее пробивалась легкая щетина.

Сайрус обиженно глянул на Первин.

– Мне через месяц исполнится двадцать восемь.

– Хе-хе. Староваты вы для жениха! – не отстала от Первин Хема. – Я ни за кого старше двадцати трех не пойду.

– Я припозднился по одной причине: семейный бизнес. Но оно того стоило. В ближайшее время калькуттские Содавалла будут разливать весь виски в Бенгалии и Ориссе. Кстати, у меня есть образец. – Он похлопал по выпуклости в нагрудном кармане.

Гюльназ так и ахнула.

– Это надо же – ходить по территории колледжа с фляжкой!

Первин едва не рассмеялась: Сайрус совсем не походил на напыщенных хлыщей с юридического факультета. Но откровенно флиртовать ей не хотелось. Поэтому она сдержанно улыбнулась и сказала:

– Нет у меня времени на светские беседы. Счастливого вам пребывания в Бомбее и желаю удачи в поисках жены!

– Невоспитанно вот так вот взять и уйти! – рявкнула Хема, как только они двинулись дальше.

– У меня проверочная по индийскому законодательству, – напомнила Первин.

– Но ты идешь в обратную сторону от своего факультета, – заметила Гюльназ. – Тебе разве не вон туда?

– Да чтоб его! Простите! Мне надо бежать. – Спеша отойти подальше от Сайруса и Эстер, Первин пропустила нужную дверь.

Войдя внутрь, она приостановилась в полумраке, глянула в лестничный проем. Вокруг ни одного студента, значит, она опоздала второй раз за день. Она торопливо зашагала вверх по лестнице, почувствовала, как край сари соскользнул с плеча в сгиб локтя. Она закинула паллу на место и тут поняла, что ткань постепенно сползает с бедер.

У самых дверей аудитории она поставила на пол тяжелую сумку и стала поправлять незнакомые складки сари. По-хорошему нужно было снять его полностью и начать сначала, но до дамского салона было слишком далеко. Первин сосредоточенно подкалывала складки на талии и тут услышала, как мистер Джоши говорит что-то про проверочную. Первин бросила прихорашиваться, открыла дверь – несколько студентов обернулись на скрип. Всё те же, кто был с нею и на предыдущем занятии. Приподнятые брови, ухмылки, гримасы, а хуже всего – замечание преподавателя.

– Какое счастье, что вы к нам присоединились, мисс Мистри. – Голос мистера Джоши так и сочился сарказмом.

Первин пробормотала извинение и, опустив глаза в пол, поспешила на свое место. Это была другая аудитория, стул ее оказался чистым. На столе лежал листок бумаги с шестью вопросами, размноженными на mimeографе.

Сидевшие рядом студенты заправляли ручки-самописки и начинали отвечать на вопросы – и тут к Первин подошел мистер Джоши.

– Вы опоздали, так что, полагаю, вы не имеете права писать проверочную.

От слов «имеете право» она скрипнула зубами. Будучи дочерью Джамшеджи Мистри, она якобы имела право изучать юриспруденцию, хотя дипломы юристов женщинам пока еще не выдавали.

– Все работают, а вы нет. Вы не потрудились принести перо? – Не дожидаясь ответа, мистер Джоши громко спросил: – Полагаю, ни у кого нет запасного пера?

– В нем нет необходимости, сэр! – Ручку и карандаши Первин держала в вышитом шелковом пенальчике, который носила в сумке. Она опустила руку, подняла тяжелую сумку на стол. Вытащила пенальчик и, к своему удивлению, обнаружила, что ручки в нем нет. А вот по сумке расплывалось черное пятно. Видимо, ручка выпала и протекла. Если сейчас ее достать, только сильнее перепачкаешься. А писать проверочные карандашом мистер Джоши не разрешал.

Мистер Джоши ушел обратно за кафедру, а Первин осталась сидеть с несчастным видом, глядя на листок, заполнять который ей было нечем.

Через сорок минут листок уже не был пустым. На нем появились разводы от слез, падавших часто и тяжело. Когда сидевшие слева от Первин студенты начали передавать к проходу выполненные задания, Первин не стала вкладывать свой листок в пачку. Она осталась сидеть на месте, игнорируя раздраженные замечания мужчин, которым при выходе приходилось протискиваться мимо нее.

И вот она осталась одна в аудитории. Она специально ждала этого момента – не хотела, чтобы видели, как она собирает вещи.

– Вы что это делаете? – внезапно долетел до нее голос мистера Джоши.

– Простите? – Первин подняла глаза и, к своему удивлению, увидела, что преподаватель никуда не ушел.

– Вы положили листок с вопросами в сумку – точно, я сам видел.

Первин вытащила мокрую, слегка помятую бумажку.

– Вот он. У меня ручка сломалась, я ничего не смогла написать.

– А почему вы положили листок в сумку?

Первин ответила правду:

– Мне стыдно было его сдавать. Все бы увидели.

Преподаватель прищурился.

– Кража экзаменационных вопросов – это нарушение кодекса чести. Я вынужден буду об этом доложить.

Шепот за спиной дал ей понять, что аудитория опустела не полностью.

– Простите, но я ничего не собиралась делать с заданием. Я же сказала...

– Если вы были готовы к проверочной, вам нашлось бы перо. Вы от него отказались. –

Мистер Джоши повысил голос: – Что за игру вы нынче затеяли – или всё, что вы здесь делаете, игра?

Взяв себя в руки, Первин ответила:

– Это не игра, сэ. Всего лишь ошибка.

Преподаватель выпрямился, лицо его покраснело:

– Я уже говорил декану, что зачислить женщину на факультет юриспруденции – ошибка.

И повторяю то же самое, но уже аргументированно, когда буду писать докладную о нарушении кодекса чести.

Первин похолодела.

– Нарушение кодекса чести? Но я ничего не сделала.

– Вы преднамеренно украли листок с заданием – я убежден, что вы собирались написать ответы дома, возможно, с помощью своего отца.

Тут Первин расшаркала.

– Я не стану отвечать на обвинения, которые ни на чем не основаны.

Преподаватель склонил голову набок и взгляделся в нее с холодной улыбкой.

– Вы, видимо, считаете, что в силу высокого положения стоите над университетскими законами. В силу каких причин, мисс Мистри?

Первин встала со стула и дрожащим голосом произнесла:

– Я не стану отвечать на ваши обвинения, поскольку прекращаю учебу.

Слова сорвались с губ – но она сама не могла в них поверить. Что она натворила? Ей полагалось бы извиняться и дальше. Однако по грозному выражению лица мистера Джоши она заранее поняла, чем кончится дело. Он заручится содействием мистера Адакара и других преподавателей и не даст ей избежать наказания.

Мистер Джоши явно опешил. Помолчав, добавил:

– Прекратить учебу можно, только пройдя формальную процедуру. Но прежде будет рассмотрено мое обвинение. Администрация, услышав мой доклад, решит, следует ли созвать заседание...

– У вас в голове мозги или опилки? – Оскорбительная фраза слетела с губ прежде, чем она собралась с мыслями. – Я ухожу!

Она спускалась по лестнице – будто плыла в потоке. Как там это называется? А, вот: умирающий цепляется за морскую пену. Подобно этому неведомому умирающему, она точно попала в мягкое прохладное облако, которое уносило ее прочь от разъяренного, отчаянно

жестикулирующего мистера Джоши. Да, морская пена вселяет чувство защищенности, но Первин все равно суждено утонуть.

Первин вышла из здания и направилась напрямиком к урне. Осторожно вытащила из ворота блузки носовой платок, накрыла им ладонь, выудила из сумки протекший перламутровый «Паркер», который мама подарила ей после поступления на юридический факультет. Толку в этом «Паркере» никакого. И тут Первин заколебалась. Выбросить перо – значит отправить в мусор материнскую щедрость и надежды. Первин крепче обернула «Паркер» платком и положила обратно в сумку.

– Мисс Мистри, это вы? – осведомился приятный мужской голос.

Первин, вздрогнув, обернулась и увидела, что двоюродный брат Эстер сидит на той же скамейке, что и раньше, рядом с фонтаном.

– Еще раз добрый день. – Сайрус Содавалла приветственно поднял руку. – Эстер меня бросила, предпочтя Чосера.

Прикрывая спадающее сари сумкой, Первин кивнула.

– Кем чо.

Сайрус ответил, перейдя на гуджарати:

– Садитесь. У вас лицо человека, напившегося дешевого масла.

Первин поняла, что действительно едва стоит на ногах. Она опустилась на скамейку, внимательно проследив, чтобы между ними остался добрый метр расстояния.

– Ваш виски мне не нужен, – упреждающе объявила она.

Сайрус коротко рассмеялся.

– Эстер мне уже дала понять, что шутка не самая удачная. Простите.

Первин чувствовала, что слабость отступает.

– Я вас прощаю.

– Вы все равно выглядите неживой, – произнес Сайрус, серьезно на нее глядя.

– Выпью чашку чая – все станет хорошо.

– И вам обязательно нужно что-то съесть. – Просветлев лицом, он добавил: – Родители Эстер показали мне отличную пекарню в нескольких улицах отсюда. Называется «Яздани».

Первин не могла не подивиться, что гость из другого города знает про ее любимое кафе-пекарню. При этом понимала она и другое: приличная девушка не должна никуда ходить с молодым человеком без сопровождения старших.

– У меня нет никаких причин покидать кампус, мистер Содавалла. Чаю я могу выпить в дамском салоне.

– Но меня-то туда не пустят! А я, если честно, очень давно не ел.

Кончики его рта поползли вниз, очень трогательно, как у маленького мальчика. Да и самой Первин после случившегося хотелось как можно быстрее уйти с кампуса. Может, тот факт, что отец ее знаком с владельцем «Яздани», равносителен тому, что она в сопровождении? Первин медленно произнесла:

– Пекарня совсем рядом с нашей семейной конторой. Я могу туда с вами зайти по дороге.

Запах сладостей Первин и Сайрус ощутили за полквартиры. Сайрус вздохнул.

– Просто обожаю булочки с кардамоном.

– Какие именно булочки с кардамоном? – уточнила Первин.

– Мити-папди¹⁵. А бывают еще и другие? – поддразнил он ее.

Первин изумилась его невежеству.

---

¹⁵ Мити-папди (гуджарати и другие языки) – слегка подслащенная жареная вафля из гороха.

– Вы же не знаете, чем здесь пахнет: мава¹⁶ или дахитанами, в которые кладут кардамон и шафран. Пойдемте разберемся.

Аромат выпечки придал Первин сил. После порции сахара и пряностей проще будет вынести то, что ждет потом.

Войдя в облицованное черной и белой плиткой кафе, Сайрус с довольным видом огляделся и втянул носом воздух. Время было не самое бойкое, и все же почти половина столов оказалась занята: за ними сидели индусы, парсы и мусульмане в традиционной и европейской одежде. Первин заметила лишь одного отцовского коллегу, который мог знать ее в лицо, но тот, похоже, был занят деловой беседой.

Энтузиазм Сайруса пришелся ей по душе, и она сказала:

– На поздний ленч могу порекомендовать пулао¹⁷ с ягодами и курятиной или гхошт¹⁸ из козленка.

Фироз Яздани следил за их беседой со своей табуретки у кассы. Потом подошел к их столику:

– Принесу то, что вы просили, и кое-что еще. Про десерт и пирожные поговорим отдельно. Это ведь один из ваших двоюродных братьев, Первин-джан¹⁹?

Мистри были старинным бомбейским семейством, так что предположение владельца кафе казалось совершенно естественным. Вот только Первин воспитали в понятиях честности. Она заколебалась, придумывая, как бы ответить.

– Голодный, из Калькутты! – улыбаясь во весь рот, представился Сайрус прежде, чем Первин успела что-то сказать.

– Голодных мы тут любим. Правда, это ненадолго, – просиял Фироз.

Когда Фироз отошел, а они вместе отправились к раковине в углу вымыть руки, Первин шепотом обратилась к Сайрусу:

– Зачем вы солгали?

Он подмигнул.

– Эстер ведь вам троюродная, верно? Значит, в определенном смысле мы родня.

– Наша семья и семья Эстер не в таком уж близком родстве. Мы не встречаемся по праздникам и на свадьбах.

Рассказывать об их давнем соперничестве она не собиралась.

– Нужно было что-то сказать. Этот бхая²⁰ выставил бы меня за дверь, если бы решил, что я вам навязываюсь. – Сайрус нагнулся над столиком, накрытым красной клетчатой клеенкой. – Ну, и что такое произошло в университете, что у вас в волосах пожар?

Первин невольно подняла руку к виску. И действительно, ее длинные волнистые волосы слегка выбились из уложенной в корону косы, которую много часов назад заплела ей аяя²¹ Джайя.

– Стоит ли рассказывать незнакомцу о своей жизни?

– Именно потому, что я незнакомец, и можно все рассказать. То, что волнует бомбейцев, мне безразлично.

Первин стоило бы помолчать, но она прекрасно понимала, что с самого момента их встречи Сайрус рассматривает ее, прислушивается. Она ощущала его интерес и вроде даже симпатию. Понизив голос, она произнесла:

---

¹⁶ Мава – десерт из пастообразного стуженного молока.

¹⁷ Пулао – мясное или вегетарианское блюдо из риса, разновидность плова.

¹⁸ Гхошт – блюдо из мяса, которое долго тушится на медленном огне.

¹⁹ Джан (урду, парси-гуджарати) – «дорогой».

²⁰ Бхая (хинди/марати и другие языки) – дружеское обращение к малознакомому человеку, который не выше вас статусом.

²¹ Аяя – няня при ребенке или служанка при взрослой женщине.

– Поклянитесь, что никому не расскажете. Ни двоюродной сестре, ни вообще никому. Он сложил ладони как для молитвы. Привычный жест вызвал у нее улыбку и помог выдать следующие слова:

– Полчаса назад я бросила учиться на юриста. Впрочем, я – особая студентка, так что, возможно, это и не имеет значения.

Он приподнял густые брови, на лице – едва ли не восхищение.

– Я вас поздравляю.

– Да что вы такое несете? Я вот не знаю, как об этом сказать родителям.

– Скажете, что сэкономили им кучу денег.

Первин закрыла глаза, вспоминая прошлое.

– Они так гордились, когда меня приняли на учебу. Если что-то и могло их порадовать сильнее, так это университет в Англии. Но мне не хотелось так далеко уезжать.

Сайрус задумчиво кивнул.

– Я в Англию не поеду, даже за весь лондонский виски. И потом, все эти колледжи и университеты – пустая трата времени. Все, что мне нужно знать для работы, я узнал на уличной стороне забора вокруг Президентского колледжа.

Первин и помыслить не могла, чтобы кто-то из ее соучеников произнес такое. Вспомнила самодовольство однокурсников, как они выхвалялись друг перед другом частными школами и своими оценками. Не станут они шастать по городу с флажкой виски в кармане, не станут говорить по душам с женщиной.

Подошел Фироз Яздани, принес им чай и еду. Разложил ее по тарелкам – и Сайрус принялся уписывать за обе щеки. Опустошив тарелку наполовину, он сделал перерыв.

– Какой рис нежный: одновременно и сладкий, и пряный. И баранина такая мягкая, а что в ней за специи, я не разберу. Видимо, бомбейская масала²².

– Лучшая в городе еда, если не считать нашего дома, – согласилась Первин. Сама она не чувствовала голода, но все же смогла проглотить немного риса и мяса.

– А почему вы решили учиться на юриста? И вообще, это был ваш собственный выбор? – поинтересовался Сайрус.

Первин много лет подряд за ужином прибивалась поближе к отцу и слушала его рассказы о драмах в суде. Захватывающе интересно.

– Ну, если честно, меня к этому отец подтолкнул.

Сайрус дожевал и осведомился:

– То есть он тоже юрист?

– Да; собственно, сегодня он выступает в Верховном суде. Отец хотел, чтобы я отучилась в Государственной юридической школе, потому что ведь будут же рано или поздно давать женщинам дипломы юристов. Когда нам откроют доступ в адвокатуру, у меня уже будут знания в запасе.

Сайрус подался вперед, поставил локти на стол.

– И что вы скажете об учебе на юриста? Интересно?

– На данном этапе и не должно быть интересно, – сухо произнесла Первин. – Но ухожу я не поэтому. Вся беда в однокурсниках.

Сайрус закатил глаза.

– Ну, рассказывайте.

Первин рассказала о липкой жидкости на стуле с утра, о потерявшемся в прошлом месяце задании, о многочисленных попытках помешать ей сдать домашнюю работу или написать проверочную. Она рассказывала – и на красивом лице Сайруса читала то сострадание, то гнев.

– И с вами так поступают молодые парсы? – спросил он наконец.

---

²² Масала (хинди и другие языки) – смесь пряностей.

– Парсы, индусы, христиане! Не все в аудитории принимают активное участие в игре, но как минимум две трети с любопытством следят за ее ходом.

Сайрус покачал головой.

– А что предпринимает ваш отец?

– Папе я ничего не говорила, боюсь его реакции. Он важный человек в юридическом сообществе. Может попробовать всё исправить – и станет только хуже.

– Но эти ваши обидчики настоящие сволочи! – Сайрус вытер рот салфеткой, бросил ее рядом с тарелкой. – И ведь именно с ними вам придется впоследствии встречаться в суде!

– Да, к тому моменту большинство из них уже станут практикующими юристами. – Об этом Первин раньше как-то не думала.

– Они не станут с вами разговаривать, хотя, возможно, будут над вами насмехаться в разговорах с другими. – Голос Сайруса отяжелел от гнева.

Первин поняла, что переборщила с признаниями. Не потому, что он кому-то проговорится, а потому, что натолкнул ее на тягостные мысли.

– Зря, наверное, я вам рассказала. Не дала поесть спокойно.

– Первин, я... – Сайрус осекся, лицо его залилось краской. – Простите. Вас положено называть мисс Мистри.

– Необязательно, если мы родня, – подметила она лукаво.

Сайрус сжал руку в кулак, потом рассмеялся.

– Мы с вами оба боремся за существование, верно?

– А в чем состоит ваша борьба? – Теперь и ей стало любопытно.

– Пытаюсь сделать так, чтобы не прожить остаток жизни несчастным. – Перехватив ее непонимающий взгляд, он пояснил: – Я имею в виду эту бессердечную затею – женитьбу, на которую меня толкают родители.

– Так вы не хотите жениться? – Произнося эти слова, Первин очень надеялась, что сумеет не выдать своих чувств. Она уже начинала сожалеть о том, что эта ее встреча с Сайрусом окажется единственной – через несколько дней он будет помолвлен.

– Я хочу, чтобы рядом была женщина, которая по вкусу мне, а не им. – Сайрус взглянул ей в лицо. – Можете себе представить, что во всем Бомбее нашлось всего шестнадцать девушек, с которыми моя семья сочла возможным назначить встречи? Я должен выбрать одну из них в надежде, что она родит мне двух или более сыновей – и следующие полвека все будут счастливы.

Первин захихикала.

– В чем дело? – спросил он с явственным раздражением.

– Я просто подумала, что в этом списке должна быть тысяча девушек-парсиек. Нас здесь так много.

– Далеко не все подходят по возрасту, цвету кожи, происхождению. А ведь еще и гороскоп должен был благоприятным! – добавил он и скривился.

Первин посмотрела через стол на молодого человека, который явно тяготился сложившейся ситуацией, но при этом нашел работу мечты: наверняка и достойная женщина для него найдется тоже.

– Не жалейте себя так. Мне родители через несколько лет тоже подберут пару. Такова жизнь.

Вновь подошел Фироз Яздани – уговорить их попробовать выпечку. Сайрус отправил в рот кусочек золотистого тягучего дахитана. Первин попросила что попроще – маву. Фироз добавил пирожное с миндалем и финиками от заведения. От сахара и горячего чая Первин воспрянула духом.

Подобрав вилкой последнюю крошку, Сайрус вытащил золотые карманные часы.

– Ах, чтоб его! Я двадцать минут назад должен был быть в «Тадж-Махал-паласе». Попрошу счет.

Приносить счет Фироз отказался. Сайрус стал возражать, но Фироз увещевающе произнес:

– Мистри оплачивают счета раз в месяц. Я уверен, что они будут только рады угостить родственника.

Первин взглянула на Фироза – вид у того был едва ли не суровый. Она поняла: Фироз записал заказ на их семейный счет, чтобы не лишиться покровительства ее отца. Возможно, ей даже придется объяснять отцу, кто это оказался настолько прожорлив, что счет составил целую рупию и три анны²³.

Первин, вздохнув, сказала:

– Да, это правда. Мы сюда не приходим с наличными. Пойдемте, я вас представлю Рамчандре. Дедушка так его любит, что подарил ему велосипед-рикшу из Гонконга. Полагаю, Рамчандра – единственный рикша-велосипедист в Бомбее.

– В Калькутте полно рикш-велосипедистов, – заметил Сайрус, эскортируя ее к выходу. А потом твердо объявил: – Я должен проводить вас домой.

– Это лишнее! – Первин указала рукой на Мистри-хаус. – Мне вон туда, через дорогу.

Сайрус неспешно обвел глазами огромный каменный особняк в готическом стиле.

– Вон в тот большой дом?

– Его построил мой дед в 1875 году. Он там и сейчас живет: занимает несколько комнат на первом этаже, потому что у него слабые ноги.

– А почему не с вами, дома?

– Мы бы этого очень хотели, но он отказывается переезжать. Дал клятву, что будет наслаждаться домом, который построил, пока ангелы не призовут его к себе.

– На вид настоящая крепость!

Первин ощутила знакомую смесь гордости и смущения, которую часто вызывал у нее фамильный особняк.

– Видимо, да. Но строили его скорее как своего рода рекламу.

– В каком смысле?

– Дедушка хотел показать всему Бомбею, до каких вершин качества и мастерства способен подняться. Проект заказал Джеймсу Фуллеру – английскому архитектору, который построил здание Верховного суда. Вся мебель завезена из Гонконга или специально сделана выпускниками художественной школы сэра Джиджибхоя. Жить там странновато, зато для юридической фирмы очень подходит. Контора моего отца находится на первом этаже.

Тут наконец по лицу Сайруса мелькнуло понимание.

– Ваши отец и дед встречаются каждый день. Это хорошо.

– Думаю, да. И хотя дедушка и любит побахвалиться, на деле у него до сих пор отличная голова. Сама видела: ему довольно взглянуть на безупречный с виду столб – и он может сказать, даже не прикасаясь, что дерево прогнило изнутри.

– Похоже, он очень умный человек, – одобрительно произнес Сайрус. – А вы не могли бы завтра показать мне Бомбей?

Первин недоверчиво посмотрела на него:

– Где вы найдете время на осмотр достопримечательностей, если у вас сплошные встречи с невестами?

– Мама не любит рано вставать, все утро у меня свободно.

---

²³ Анна (хинди и другие языки) – денежная единица, равная четырем пайсам или одной шестнадцатой рупии.

– Вы лишитесь безупречной партии, а я – безупречной репутации! – Впрочем, в душе она не могла не чувствовать сожалений из-за того, что единственный молодой человек, которому интересно ее мнение, совсем скоро исчезнет из ее мира.

– Может, пригласим еще и Эстер или кого-то из ваших подруг? – спросил он как бы между прочим.

– Но завтра же среда. Нам... вернее, им нужно на занятия.

– Тогда помогите мне составить программу. Я хотел бы найти хороший вид на Аравийское море. У нас в Калькутте большой порт, но он забит судами и постройками. И пляжей для купания у нас нет.

Первин подумала про Лэндс-Энд. Оттуда умопомрачительные виды на море. Но это к северу от города, да и дорогу найти не так просто.

– Проще всего отправиться на пляж Чаупатти. Любой рикша-валла знает дорогу.

– Хорошо, я туда съезжу. Но чем вы будете заниматься, начиная с завтрашнего дня, раз вы больше не учитесь? – Взгляд теплых карих глаз Сайруса сосредоточился на ее лице.

Первин обдумала вопрос. Можно прикинуться больной – тогда можно пару дней оставаться дома. Сообщать, что бросила учебу, она была не готова: отец немедленно пойдет к декану и отправит ее назад в аудиторию.

Нет. Стоит пока сделать вид, что она продолжает ходить на занятия, а тем временем что-то придумать.

– Нам обязательно нужно встретиться снова! – объявил Сайрус.

Первин заколебалась.

– Я и так в сложном положении. Но если хотите зайти поздороваться, я буду в библиотеке Сэссун – она совсем рядом с Эльфинстоном. Я собираюсь каждое утро приезжать в центр с отцом, как и раньше.

Он ослепительно улыбнулся.

– Я тоже принесу книгу – и даю слово не лишать вас безупречной репутации!

Первин смотрела, как Сайрус Содавалла выходит из кафе и направляется к стоянке рикшей; голова у нее слегка кружилась.

Еще сегодня утром она ненавидела всех молодых людей. Потом так разозлилась на преподавателя, что бросила учебу. После этого пошла есть рис с незнакомым мужчиной. Но Сайрус Содавалла сумел поднять ей настроение, помог понять, почему всегда нужно хранить верность себе.

Да, Сайрус – человек особенный. Она никогда еще не встречала мужчины, отличавшегося одновременно и красотой, и искренностью. После их душевного разговора она засомневалась, что хоть одна кандидатка на брак по сговору окажется ему ровней.

Первин вспомнила слова Эстер. Сайрус Содавалла приехал в Бомбей с одной целью: посмотреть себе невесту-парсийку младше восемнадцати лет. Он не имеет права отвлекаться на тех, кого нет в списке, составленном его родителями.

5. Лэндс-Энд

Бомбей, август 1916 года

Сидя в дамском вагоне поезда Западной линии, Первин мысленно перечисляла все правила, которые нарушает. Она едет по железной дороге одна, чего раньше никогда не делала – ездила только под присмотром родственников или учителей. Но это ничто в сравнении с тем, что она себе позволяла на прошлой неделе.

Она трижды встречалась с Сайрусом Содавалла в саду библиотеки Сэссун. Потом уговорила Эстер Вачу пригласить ее в компанию молодых людей, которые в сопровождении старших пошли на утренний сеанс в кино. Как-то так получилось, что Сайрус сел с ней рядом. На протяжении всего показа она чувствовала, какая энергия исходит от его руки, лежащей на подлокотнике. Сайрус к ней не прикасался, но она не могла не думать о том, каково бы это могло быть.

Сегодня – самый дерзкий бунт. Сайрус еще раз высказал желание съездить к морю прежде, чем уедет с родными из Бомбея. Она не спросила, поедет ли кто-то с ними. Чувствовала, что он хочет побыть с ней наедине, рассказать, чем закончились встречи с невестами. Ей казалось уместным услышать эти сокрушительные новости в месте, носящем название Лэндс-Энд, «Конец света».

Первин вышла из полутемной станции Бандра и обнаружила, что Сайрус уже ждет ее. В одной руке он держал свою фету, воротник пиджака расстегнул – так ему явно было удобнее. Он успел обрести сходство с бомбейцем. Толпа обтекала его, и никто не задерживался взглядом на уверенном в себе молодом бизнесмене.

– Наконец-то! – произнес он радостно, приветствуя Первин. – Я тут уже полчаса волнуюсь, гадая, почему вы так долго ехали одну остановку сюда от Дадара.

– Простите. Я села в поезд в Черчгейте, не в Дадаре. – Она продолжала каждое утро ездить в Эльфинстон, ничего не сообщая родителям.

– Я тут с половины десятого, зато успел подыскать подходящую тонгу²⁴. Кучер говорит, лучший вид с оркестровой площадки в Бандре. Вы как считаете?

– Поехали?

Пока они ехали в тонге, Первин поддерживала незначашую беседу, рассказывала историю Бандры – боялась, как бы кучер не понял, что они не женаты: может обругать или отказаться везти дальше. К ее облегчению, Сайрус не говорил ничего личного. Лишь сообщил ей новость: Содавалла подписали новый контракт на поставку малиновой содовой в один из ресторанов Бомбея.

– Что удивительно, потому что в Бомбее полно своих производителей содовой, – заметил он. – Правда, у нас цена ниже.

– Даже с учетом стоимости перевозки?

– Ну, когда им будут выставять счета, эта сумма будет разбита на множество мелких пунктов, – заметил Сайрус, подмигнув. – Как бы то ни было, контракт подписан.

– Может, вы останетесь в Бомбее, чтобы расширять тут семейное дело?

– Не получится. Когда отец уйдет на пенсию, мне придется управлять всеми предприятиями в Калькутте, а это, скорее всего, случится в ближайшие десять лет.

– Расскажите мне о своей семье? – Она любила задавать этот вопрос. Знала в подробностях, о чем Яздани мечтает для маленькой Лили, какие у матери Гюльназ проблемы со здоровьем, как сильно Хема завидует своей образцовой старшей сестре.

²⁴ Тонга – наемный конный экипаж.

– У меня есть старший брат, Нивед. Он удачно женился и обосновался в Бихаре. У него уже сын и дочь.

– Это замечательно. Но ваша мама, наверное, скучает по внуку и внучке.

– Да, скучает, – подтвердил он, с улыбкой глядя на детей, игравших вдоль дороги. – Ниведу пришлось переехать, когда мы купили разливочную фабрику в Бихаре. Отец отправил его туда налаживать бизнес. Кроме Ниведа, доверить это было некому – я еще был слишком молод и как раз поступил в Президентский колледж.

– То есть вас в семье только двое? – Первин заинтриговало сходство между ее жизнью и жизнью Сайруса.

Сайрус заговорил, глядя прямо перед собой:

– У меня была младшая сестра Азара, но она умерла, когда ей было четырнадцать лет. Для нашей семьи это стало страшным несчастьем. И в этом еще одна причина, почему я не женился в том возрасте, в каком положено.

– Что с ней случилось?

Сайрус будто окаменел – и Первин поняла, что причинила ему невыносимую боль.

– Холера, – пробормотал он. – Во время муссонов. Люди часто заболевают, когда улицы залиты водой и повсюду плавают грязь.

– Очень вам сочувствую. Могу лишь представить, каково это – лишиться сестры. Да еще такой юной.

Сама того не заметив, Первин накрыла ладонью крепко сжатый кулак Сайруса. Он посмотрел на нее с благодарностью и разжал пальцы так, чтобы они переплелись с пальцами ее руки.

Первин ощутила необычайную легкость в голове: сразу и восторг, и ужас от этого поступка, с такой дерзостью совершенного на людях. Кучер тонги сидел к ним спиной, он ничего не заподозрит, однако она кинула взгляд на возницу повозки слева от них и увидела, что он бросил на нее злобный взгляд и выпятил губу – видимо, счел за проститутку. Но вместо того чтобы отвести глаза, как она сделала бы в учебной аудитории, Первин вперила в кучера вызывающий взгляд и заставила его отвернуться.

– Мы как-то это пережили, но теперь стремимся поддерживать в доме безупречную чистоту, особенно в сезон дождей, – уже спокойным тоном произнес Сайрус. – Я не раз убеждал родителей перебраться в менее населенный район, но они отказываются переезжать из Саклат-плейса, потому что там поблизости есть храм огнепоклонников.

– Ваши родители – люди религиозные?

Он кивнул.

– Потеряв Азару, они нашли утешение в старинных молитвах.

– Какое дивное имя – Азара. Не знаю никого, кого бы так звали.

– Оно персидское, означает «красная». Цвет вон тех роз у дороги. В Бандре очень красиво! – Похоже, он пытался отвлечь ее от грустной темы.

Тонга медленно, но верно взбиралась вверх по Хилл-роуд, по сторонам проплывали выкрашенные в пастельные цвета бунгалов в португальском стиле, под черепичными крышами. Они миновали церковь Святого Андрея – и впереди раскинулось море. Какая великолепная картина: широкая мерцающая синяя гладь, окаймленная черными острыми скалами. Над головами кружили чайки, будто бы танцуют среди ветров.

– Вы попросите кучера остановиться вот здесь? – предложила Первин, предусмотрительно высвободив руку. – Мы уже почти у самой оркестровой площадки, откуда самый лучший вид.

Сайрус рассмеялся.

– Прекрасная дама, ваша воля для меня – закон.

Пока Сайрус расплачивался, Первин пыталась расслышать, не играет ли на площадке музыка. А потом радостно сообщила:

– Похоже, военный оркестр. Пойдемте поглядим, сколько там музыкантов.

– А может, не стоит? Они вечно пытаются заманить мужчин в армию! – со смехом откликнулся Сайрус, и они зашагали вперед в такт музыке.

– А вы не подумывали о том, чтобы пойти служить? – поинтересовалась Первин.

Сайрус фыркнул.

– Даже окажись я таким недоумком, отец бы мне никогда не разрешил. Ведь отдельного парсийского полка не существует!

– Да и вряд ли бы ему захотелось потерять сына.

– Довольно с меня оркестровой площадки, – заявил Сайрус. – Идемте, окунем ноги в море!

– Я здесь часто бывала с семьей, но мы никогда не подходили к воде, – заметила Первин, опасливо глядя на крутой скалистый берег. – Кажется, отсюда спуск слишком трудный. Но я слышала, что можно пройти через развалины сторожевой башни.

Когда они добрались до обугленной арки в сломанной стене, оказалось, что к воде можно пробраться лишь по крутому неровному спуску, усеянному валунами. Первин была в сандалиях, ей идти оказалось сложнее, чем Сайрису – на том были крепкие башмаки со шнуровкой. У края воды они оба разулись и взяли обувь в руки – прохладная морская вода покрыла им лодыжки. Ощущалось легкое течение, и Первин поняла, что, если зайти поглубже, вода, возможно, затянет ее в свои прохладные томные объятия.

– Вы о чем думаете? – спросил Сайрус.

– Умирующий цепляется за морскую пену, – ответила она. – Знаете такую поговорку?

Он покачал головой.

– Нет.

– Это значит, что в минуту отчаяния хватаешься за любую соломинку.

– Плавать я так и не научился – река Хугли у нас в Калькутте слишком бурная. – Он повернулся, улыбнулся ей. – Скажите мне, чтобы прекратил говорить о том, чего нам нельзя. Нужно наслаждаться этим днем.

Первин заглянула Сайрису в глаза, и ей показалось, что она тонет даже не в воде, а в чем-то еще более глубоком. Он сказал правду. Пусть через три дня он уедет, но у нее навеки останутся воспоминания об этом их тайном путешествии.

Они прошли километра полтора вдоль кромки воды, рассматривая крабиков, которые ползали по камням; на ходу они произносили названия птиц: аисты, цапли, голуби. Птицы искали еду, и Первин вспомнила, что время обеда давно прошло, хотела было предложить Сайрису подняться обратно в город, купить бхел-пури²⁵ и перекусить, прежде чем возвращаться на станцию. Не то чтобы она была голодна, но от удаленности города чувствовала себя неудобно. А еще она не хотела создавать осложнения Сайрису, которому во второй половине дня необходимо было вернуться в южную часть Бомбея – так он поступал ежедневно.

Уже была половина третьего, но Сайрус не спешил. Первин подумала: это, видимо, означает, что родители нашли ему невесту.

Крепкий ветер ерошил черные кудри Сайруса. Она про себя восхищалась ими, равно как и его благородным профилем. Именно так выглядел на одной картине его тезка Кир, древний персидский царь.

– Давайте посидим, – предложил Сайрус. – Смотрите, вон какое симпатичное место.

Широкую каменную плиту заслоняла стена из других камней – за ней можно было укрыться от зевак на оркестровой площадке и от немногочисленных рыбаков, сушивших сети

---

²⁵ Бхел-пури – популярная уличная еда из риса и овощей с тамариндовым соусом.

на песке. Первин села, почувствовала под собой теплый камень; теплота разлилась по бедрам и потаенному месту, которое по ночам при мыслях о Сайрусе порой начинало пульсировать.

Он испустил долгий расслабленный вздох.

– Первин, спасибо, что привели меня сюда. Я давно мечтал увидеть Аравийское море. Именно в этот бескрайний простор смотрел мой дед на пути в Индию. Я очень хотел увидеть его своими глазами.

– К сожалению, историю миграций моей семьи я знаю далеко не так хорошо, как вы, – с легкой завистью откликнулась Первин. – Никто точно не знает, когда мы сюда перебрались; не исключено, что пять или семь веков назад. А потом, в XVII веке, британцы призвали парсов покинуть Гуджарат и переселиться сюда, чтобы перестроить старую разрушенную португальскую крепость в современный укрепленный город.

Сайрус придвинулся ближе, они слегка соприкоснулись боками.

– А почему ваш отец стал юристом, а не строителем?

Первин будто наэлектризовало. Она заговорила торопливо, пытаясь скрыть смущение:

– Мой отец был младшим из трех сыновей, двое других уже работали в нашей строительной фирме. Он указал им на то, что семейному бизнесу необходимо юридическое сопровождение, а если он станет поверенным, то будет предоставлять эти услуги бесплатно. Дедушка решил, что это повысит наш семейный статус, и отправил папу учиться в Оксфорд. Папе повезло получить первоклассное образование. Он думал, что Растом пойдет по его стопам, но в том проявился семейный дух, он возглавил нашу строительную фирму.

Сайрус фыркнул.

– То есть вам пришлось изучать юриспруденцию именно из-за решения брата?

– Я ненавидела юридическую школу, – ответила Первин, передернувшись. – А вот поверенным работала бы с удовольствием. Не стану отрицать.

– Ну, наверное, – ответил Сайрус, пожав плечами. – Но, если женщинам пока не разрешается выступать в суде, я плохо понимаю, зачем вам изучать право.

– Это не совсем так. Поверенные и не обязаны ходить на судебные заседания. В юридическом деле очень много рутины: контракты, завещания. Отец рассчитывает, что я, закончив учебу, сразу же начну ему помогать, – добавила она, ощущая, как на плечи опускается привычный груз вины.

Сайрус сочувственно произнес:

– Меня родители отправили в колледж изучать то, что им казалось особенно важным: коммерцию. Но преподаватели в Президентском такие идиоты! Все, что я знаю про бизнес, я узнал на стороне. И вот посмотрите, как хорошо у нас теперь идут дела. Отец страшно этим гордится.

– Замечательно, – вздохнула Первин, подалась вперед, опустила подбородок на руки. – Вот бы и в юриспруденции все было как в коммерции.

Сайрус пристально посмотрел на нее.

– Наши предки не должны были покидать Персию, однако покинули. Рискнули ради лучшего будущего.

Пока он говорил, рука его взметнулась вверх, нежно легла ей на спину.

Первин торопливо огляделась – не заметили ли рыбаки, не идет ли кто еще по скалам. Они по-прежнему были одни.

– Я хочу попросить вас об одной вещи. – Сайрус говорил совсем тихо, ей пришлось податься к нему поближе, чтобы расслышать.

– Какой? – спросила она, едва дыша.

– Если вы откажетесь от юриспруденции, я тоже готов отказаться от одной вещи.

Глаза у нее расширились.

– Какой именно?

– Я хочу сообщить родителям, что отказываюсь брать в жены глупую девицу, которую они мне выбрали два дня назад. Я страшно одинок. И стану еще более одиноким рядом с человеком, которого не люблю.

Первин прижала пальцы к его губам.

– Не говорите такого. Если свадьбу назначили, она должна состояться. И учтите, пожалуйста, что у меня и в мыслях не было сбивать вас с толку. Это некрасивый поступок.

– Милая моя. – Он поцеловал ей руку.

Она отстранилась.

– Вы не должны так ко мне обращаться! – Она не хотела потом всю жизнь мучиться воспоминаниями о том, что он обещал ей несбыточное. Лучше все это оборвать прямо сейчас.

– Не надо противиться, Первин. Вы только подумайте, какая перед вами открывается жизнь – широкая, как это море, – произнес он и снова взял ее руку. – Вы ведь бросили учебу – и теперь вольны быть со мной!

Руки она не отняла, но смотреть на него отказывалась.

– Не вольна. Вы уедете отсюда за тысячу миль.

– Помолчите хотя бы минутку. – Сайрус заговорил громче. – Я же без обиняков вам говорю, что хотел бы взять вас в жены.

Он сделал ей предложение. Ее окатила волна счастья, которую тут же сменила боль. Она повернулась, посмотрела на него и пробормотала:

– Но ваш брак... ваш брак уже...

– Они сделали выбор, но я не дал согласия. От меня требуют объяснения почему. – Сайрус заглянул ей в самую глубину глаз. – Я ничего им не сказал о том, что мы встречаемся. Но я сказал им, что Эстер познакомила меня с подругой по колледжу, которая лучше всех остальных девушек.

Эти его слова натолкнули ее на мысль: если ему позволят задержаться на несколько дней в Бомбее, они могут свести знакомство должным образом, под присмотром. Она неуверенно произнесла:

– Возможно, мои родители согласятся на длительную помолвку. Но прежде я должна получить диплом! Предполагается, что я стану примером для всей нашей общины.

– Мои родители не согласятся ждать, а ваши не сочтут меня достойным! Уж скорее они выдадут вас за кого-то из местных наследственных богачей, из семейств Тата или Редимани. – Сайрус подобрал камушек, бросил в сторону моря.

Первин проследила, как камушек отскочил от валуна. И грустно произнесла:

– Я не знаю, кого они мне предложат. Но, познакомившись с вами, я вряд ли смогу выйти за другого и быть с ним счастливой.

– Первин, вы понимаете, что произошло? Мы случайно нашли и полюбили друг друга! – Сайрус задыхался. – Наши родители удивятся, узнав, что мы встретились без их помощи, но мы можем им сказать, что это по велению Бога!

Первин кивнула, подумав заодно, как они с Сайрусом похожи. Он очень энергичен, решителен. Умеет видеть вещи под неожиданным углом, готов идти на риск. Вот уж действительно – ее суженый. Ей даже почудилось, что он язата²⁶, ангел, посланный даровать ей счастье. Вот только сейчас все это закончится.

– Скажите прямо: я зря позволяю себе такую дерзость?

Первин почувствовала, что в уголках глаз скапливаются слезы.

– Нет. Я благодарна судьбе за те дни, которые мы провели вместе. Я их никогда не забуду. Сайрус заключил ее лицо в ладони, нагнулся, губы их соприкоснулись.

---

²⁶ Язата – ангел в зороастризме.

Ей следовало бы его оттолкнуть, но ее обездвижило предвкушение. Наконец-то произошло то, о чем она так долго мечтала. Может, ей предстоит о нем тосковать до конца дней, но этого мига у нее никто не отнимет.

Губы у Сайруса оказались гладкими, теплыми, настойчивыми. Он не прерывал поцелуя, пока она не осознала, что рот можно раскрыть – и почувствовать его на вкус: его губы, язык, изысканную внутреннюю субстанцию с привкусом фенхеля и спирта.

Первин, волнуясь все сильнее, вернула ему поцелуй. И уже не могла насытиться.

Она всем телом почувствовала тепло камня, когда Сайрус прижал ее к нему, накрыв своим телом. Поцелуи перетекли с губ на шею, она почувствовала, как внутри расцветает цветок. Это и есть любовь?

Да, подумала она. Истинная романтическая любовь, видимо, заключена в неодолимом желании слить две субстанции в одну.

Руки Сайруса скользнули под ее блузку, под тонкое белое кружево судры²⁷. Потайные полоски ее тела изнывали от новизны ощущений. Он прикоснулся к ее груди, и она задохнулась от наслаждения.

Однажды, читая роман, она наткнулась на выражение «развратная женщина». Звучало ужасно. Отправляясь в Бандру, она испытывала опасения, что Сайрус может позволить себе лишнего. И вот она от этого лишнего тает. Сама позволяет его себе. Так и выглядит освобождение?

Сайрус рывком поднялся, ее окатила волна отчаяния. Обняв себя руками, она села.

– Прости меня, – произнес он, задыхаясь. – Не должен я был себе этого позволять с такой девушкой, как ты, до свадьбы. Но мне просто хочется тебя всю. И мы теперь знаем, что предназначены друг для друга. Брак наш будет благословлен этой... страстью.

Первин вся дрожала. Ей хотелось, чтобы он навалился на нее снова – и не отрывался никогда.

– Я влюбился в тебя, Первин, – произнес Сайрус, ласково отводя волосы с ее лица. – И теперь знаю, что такое любовь.

Дыхание Первин выровнялось. Испытанное волнение претворялось в душевный покой. У человека есть лишь одна предназначенная ему половинка. Кто она такая, чтобы уклоняться от этой истины? Она посмотрела на него и прошептала:

– Все так быстро произошло. Но я, кажется, тоже влюбилась.

– Умоляю тебя, прими мое предложение. Иначе я брошусь в волны.

Первин посмотрела на Аравийское море. Сайрус призывал ее последовать зову сердца – пуститься, вслед за предками, в собственное странствие, за золотую мечтой.

Она снова повернулась к Сайрусу, вложила свои ладони в его.

– Да. Я хочу выйти за тебя замуж. Не знаю, согласятся наши родители или нет, но я хочу этого всей душой.

– В моей семье тебя будут обожать, – заверил Сайрус, нежно отводя с ее лица растрепавшиеся волосы. Поцеловал ее в лоб и добавил: – Моя мать очень страдает, что у нее нет дочери. И, познакомившись с тобой, уже никуда тебя больше не отпустит.

Он снова притянул ее к себе для безрассудного поцелуя – и грохот волн внизу стал подобен звуку аплодисментов.

---

²⁷ Судра – тонкая льняная нижняя рубашка, которую мужчины и женщины-парсы носят после обряда навджот.

1921

6. Чертоги власть имущих

Бомбей, февраль 1921 года

Поблизости аплодировали.

Первин усилием воли вырвалась из воспоминаний. Двое хорошо одетых стражей-индийцев, стоявших у дороги, кланялись и хлопали в ладоши вслед губернаторской машине. Вот ведь лицемеры! С другой стороны, она сама едет в этой машине и не имеет права ни в кого кидать камень.

– Похоже, папочка, они тебя приняли за Джорджи, – проворковала Элис.

– Козырек-то закрыт, а под ним мы все на одно лицо, – откликнулся сэр Дэвид.

– Как знать, дорогой. – Леди Хобсон-Джонс непринужденно рассмеялась. – Совершенно не исключено, что именно ты станешь следующим губернатором.

– Тебе действительно этого хочется? – Элис явно была ошарашена.

Повисла долгая пауза.

– Я выполню любую волю правительства, – произнес наконец сэр Дэвид. – Но это крайне маловероятно.

Слова прозвучали размеренно, из чего вроде как следовало, что он совершенно не против занять этот пост. Ехать в одной машине с таким человеком было едва ли не предательством, потому что Первин случалось ходить на собрания индийцев, которые выступали за самоуправление. В Оксфорде и Лондоне они с Элис вдвоем посетили несколько таких встреч.

Наконец машина остановилась возле очень высоких ворот, за которыми возвышалось огромное бунгало бежевого цвета. Навстречу выскочили четверо охранников: двое отсалютовали машине, еще двое открыли ворота.

– Надежная охрана, – заметила Первин, подумав, насколько это не похоже на ворота ее дома, которые сторожит недотепа, склонный засыпать на посту.

– Президент печется о нас даже слишком рьяно, – отозвался сэр Дэвид.

– Мы сняли этот дом сразу, как только его построили в прошлом году, – пояснила Первин леди Хобсон-Джонс. – Первым жильцам не грозят ни крошки в ящиках столов, ни пятна в ванной. Я в полном восторге. И нам хотелось, чтобы Элис здесь было где развернуться.

– Мне он напоминает Сент-Джонс-Вуд, – заметила Элис.

– Почему бы это? – Леди Хобсон-Джонс, похоже, слегка опешила.

– Неогеоргианский стиль. Совсем не похоже на наш старый дом в Мадрасе. Вот там было настоящее индийское бунгало.

Элис говорила об Индии пятнадцатилетней давности – эпохе, когда отец ее занимал не такой важный пост. Первин едва не пожалела леди Хобсон-Джонс, которая явно была скандализована замечанием дочери.

– В определенном смысле неогеоргианская архитектура очень подходит для Бомбея, – произнесла Первин. – Город ведь вырос из Форт-Джорджа. Бунгало, конечно, новое, но стиль его свидетельствует о неизменности.

– Воистину так, – согласилась леди Хобсон-Джонс и чуть заметно улыбнулась Первин.

Поняв, что сумела заработать у непростой матушки Элис очко, Первин открыла дверцу машины и шагнула с подножки на землю. Сэр Дэвид сразу же вошел внутрь дома, а леди Хобсон-Джонс задержалась поправить капор, сбитый ветром на сторону.

Первин последовала за Элис – та помчалась в сад рассматривать изгородь, увитую оранжевыми и розовыми цветками гибискуса. Первин приподняла брови, выражая всем понятное:

ты чем-то расстроена? Элис закатила глаза. Тут Первин сообразила, что Элис крайне неловко за машину, дом и своих высокомерных родителей.

– Мы с тобой еще отыщем настоящую Индию: там очень много самых разных людей и обычаев, ты не соскучишься, – пообещала Первин. – Я хочу, чтобы ты при первой же возможности пришла к нам в гости на настоящий парсийский ужин.

Глаза у Элис блеснули.

– Главное, пряностей побольше!

– У нас всё сладкое и пряное. Я прямо сейчас тебе принесла наших сладостей. – Первин протянула подружке коробочку.

– «Яздани», – прочитала на ней Элис. – Это сладости так называются?

– Это название кафе...

– Элис! – раздался издали голос ее матери. – Иди познакомься с прислугой.

Из портика длинной вереницей вышли слуги и встали по стойке смирно. Первин насчитала восьмерых в форме и четверых мужчин и мальчишек в пыли и лохмотьях – видимо, садовников.

Элис спрашивала у каждого имя; отвечали ей без запинки, с разными акцентами. Память у Элис была завидная: Первин не сомневалась, что она почти всех запомнит.

Мать Элис не спросила, какого дочь мнения об интерьерах дома, – видимо, чувствовала, что больше критики не стерпит. Первин удивилась простоте мебелировки: низкие диваны, стулья с неброской кремовой обивкой, кое-где высокие зеркала и портреты пожилых англичан. В целом создавалось впечатление интересной гармонии.

Гвендолен Хобсон-Джонс повела девушек вверх по лестнице красного дерева – она изгибалась плавной дугой. Наверху оказался длинный коридор, с обеих сторон – ряды дверей. Миссис Хобсон-Джонс открыла ту, что находилась в самой середине.

– Представляю тебе твою новую спальню, Элис. Ничего общего с университетской квартиркой.

Просторная спальня была оклеена бледно-розовыми обоями и обставлена модной ротанговой мебелью. Но удивительнее всего оказалась ее форма – в виде полумесяца. Сквозь пять высоких эркеров открывался умопомрачительный вид на бледно-голубую океанскую воду, испещренную яркими искрами.

– Какой вид! – произнесла, помолчав, Элис. – И сколько места! Мне одной явно многовато. Да и розовый уж всяко не мой цвет.

– Ты это заслужила, – ответила ее мать. – С одной стороны вид на море, с другой – на особняки на Малабарском холме.

Элис вздохнула, переместилась от одного окна к другому.

– Будь у меня бинокль, я могла бы рассматривать людей, которые ходят там по дорожкам. Первин, у тебя твой сохранился?

– Да. Я им даже сегодня воспользовалась. – Первин гадала, улучит ли момент рассказать Элис о своих тревогах. Да и стоит ли? Подруга только что с дороги и явно очень устала.

– Мамуля, а ты знаешь, кто живет по соседству? – Элис сморщила нос, глядя на огромное бунгало, этакий двойник дома Хобсон-Джонсов. Причем стояло оно так близко, что разделяла их одна лишь изгородь, увитая гибискусом.

– Эдвард Липстай, генеральный директор грузовой паровой компании «Белая звезда». – Леди Хобсон-Джонс стояла так близко, что до Первин долетал запах ее цветочных духов. – У него двое неженатых сыновей. Младший изучает экономику в Кембридже; второй здесь, работает в отцовской компании. Ты обязательно должна с ним познакомиться. Он друг мистера Мартина.

Элис наживку не проглотила, вместо этого осведомилась:

– А кто живет в бунгало поменьше, на склоне холма? Оно, на мой взгляд, более индийское, чем остальные.

Еще до того как машина свернула на Маунт-Плезантроуд, Первин обратила внимание на длинную оштукатуренную стену: сверху на ней торчали острые осколки стекла. Отсюда было видно, что за стеной находится бунгало в индийско-мавританском стиле: к северу и к югу от него разбиты сады, посередине – еще один сад с длинным прямоугольным бассейном.

– А, это низкое бежевое строение, которое того и гляди рухнет? – Голос леди Хобсон-Джонс звучал отрешенно. – Я слышала, оно принадлежит какому-то набобу²⁸-мусульманину; здесь вообще много особ царской крови. Он в декабре умер, но там всё еще живут – насколько понимаю, его жены и дети.

– Леди Хобсон-Джонс, а вы знаете название этой улицы? – спросила Первин. При упоминании о незримых женщинах и детях у нее возникло странное чувство.

– Си-Вью-роуд, – ответила леди Хобсон-Джонс. – «Улица с видом на море». Впрочем, из этого бунгало нет никакого вида на море, его закрывают другие дома.

– Только не говори, что там тоже сыновья на выданье, – протянула Элис сквозь зубы.

– Глупостей не болтай! – оборвала ее мать. – Судя по воплям и крикам, которые я слышу каждый день, дети там еще совсем маленькие. Но я с ними не знакома. Мусульмане вообще необщительные. Не так ли, Первин?

– Все зависит от семьи, – ответила Первин, теперь уже твердо уверенная в том, что это и есть бунгало Фарида. – Некоторые мусульманки соблюдают пурду, но не те девушки, с которыми я училась в школе.

– В прошлом месяце леди Ллойд устроила совершенно пленительную пурда-вечеринку, – сообщила леди Хобсон-Джонс, оправляя шторы. – В Доме правительства обособили несколько залов, чтобы обеспечить полную приватность, из прислуги допускали только женщин. Леди Ллойд очень постаралась все организовать наилучшим образом, но из двадцати приглашенных дам пришли только две.

– Представляю, как она расстроилась, – заметила Первин.

– Этого следовало ожидать. Лично я не хотела бы жить в затворничестве, но у этих дам, полагаю, есть евнухи для компании. – Губы леди Хобсон-Джонс изогнулись в понимающей улыбке.

Первин так и хотелось вытащить носовой платок и стереть с лица хозяйки и ухмылку, и коралловую губную помаду. Но вместо этого она пробормотала:

– Евнухи обычно бывают только во дворцах.

Элис задержалась у окна.

– А мне этот домик нравится. Напоминает миниатюрный дворец из слоновой кости.

– Просто издали не видно пятен сырости на стенах. Штукатурка облупилась, а это битое стекло на изгороди – такой примитив. – Леди Хобсон-Джонс передернулась. – Ну, оставлю вас разглядывать это убожество. А сама пойду вниз, прослежу за приготовлением чая.

– Да, кстати, я привезла сладости. Возможно, они пригодятся к чаю. – Первин протянула хозяйке коробку, которую уже час держала в руке.

– Как предусмотрительно. – Леди Хобсон-Джонс с неуверенной улыбкой взяла у нее коробку.

Когда материнские каблуки застучали по ступеням, Элис повернулась к подруге.

– Слушай, мне так неудобно. Я ее три года не видела, и за это время все стало только хуже.

Первин решила проявить великодушие.

---

²⁸ Набоб или наваб – титул мусульманских аристократов; в расширительном смысле – уважительное обращение к почтенному мужчине.

– Ну, многие англичане индианку даже на веранду не пригласят, а уж в спальню и подавно.

Элис поджала губы.

– Ты понимаешь, зачем мне подготовили такую огромную спальню?

– Чтобы тебе тут было счастливо и привольно?

Элис энергично затрясла головой.

– Родители уверены, что я к ним надолго. Я думала, что приеду погостить, а на апрель у меня будет билет обратно, но мне его купили только в одну сторону.

– Тебе кажется, что в Бомбее так уж ужасно? Ты же писала, что хочешь приехать! – Первин была озадачена.

– Я хотела приехать. – Элис говорила размеренно. – Но я знаю, они хотят держать меня под надзором, потому что им не нравится, чем я занимаюсь в Лондоне.

Первин выдохнула, вспомнив о самых разных увлечениях Элис.

– Коммунистические сходки или марши суфражисток?

– Все гораздо хуже. – Понизив голос, Элис продолжила: – Папа написал мне в письме, что кто-то ему сообщил, что видел меня в таверне «Фицрой». Его это очень встревожило.

– Мой отец бы тоже встревожился, если бы узнал, что я хожу в питейное заведение. И совершенно неважно, что на праздниках и свадьбах парсийки могут пить в свое удовольствие.

Элис подошла к окнам, выходящим на море. Посмотрела наружу и произнесла:

– Тут, скорее, дело в том, что в таверне «Фицрой» собираются люди с иными предпочтениями.

– Господи. – Они давно уже не говорили о тайной амурной жизни Элис.

Элис продолжила – голос все еще звучал тихо, но подрагивал от гнева:

– После того кошмара в Челтнеме меня выпустили из санатория и приняли в Оксфорд только потому, что я сделала вид, будто излечилась. Теперь за эту ложь приходится платить. Мне двадцать три года, я все еще не замужем, вот меня и привезли сюда поправить дело.

Первин подошла к подруге, ласково опустила руку на ее напряженную спину.

– На дворе 1921 год. Родители не могут тебя выдать замуж насильно.

– Зато могут довести до ручки! С мамы станется подсунуть мне какое-нибудь очередное убожество вроде мистера Мартина. Или натравить на меня богатого соседа. Можешь себе представить, что тебя зовут Элис Липстай? Прямо лишай какой-то! – Элис слегка покачнулась от возмущения.

Первин подхватила ее под локоть.

– Тебе нехорошо?

– Давай присядем. Я будто все еще на судне.

Первин пристроилась рядом с подругой на розовом покрывале из шенили, натянутом на кровать под балдахином.

– Занятно, да, что ни ты, ни я не можем выйти замуж, – заметила Элис. – Вон, посмотри в зеркало на нас обеих. Ну прямо типичные юные старые девы.

– У нас и помимо этого немало общего. – Первин, в принципе, не была старой девой, но не стоило напоминать об этом сейчас, когда Элис так загрустила.

– Ты с этим справились. Работаете в полную силу, наградой тебе – деньги и общественное признание, а мне пришлось бросить преподавание в Лондоне и стать бездельницей.

– Ты можешь опять устроиться на работу, – заметила Первин. – Здесь очень ценятся грамотные преподаватели математики. Множество школ и колледжей с удовольствием возьмут на работу выпускницу Оксфорда.

– Моя мать все годы моей учебы переживала, что я стану синим чулком, – проворчала Элис. – Так и получилось. Я даже хожу во всем синем.

Первин посмотрела на их отражение в круглом зеркале на шегольском туалетном столике. Когда они сидели рядом, верхушка прически-помпадур, в которую были уложены волнистые черные волосы Первин, чуть возвышалась у Элис над плечом. Из-за двадцатисантиметровой разницы в росте они всегда смотрелись рядом очень комично. Но сейчас большие карие глаза Первин глядели не столько весело, сколько устало. Наверное, все дело в постоянном чтении документов – или в шоке, который она сегодня пережила. Первин отметила, что выглядит немного старше своих двадцати трех лет: это полезно для работы с клиентами, но обидно для самолюбия.

Элис тоже переменялась. Ее аквамаринное хлопчатобумажное платье измялось и пошло пятнами – похоже, она надевала его не раз и забывала постирать. Но неопрятность можно было списать на долгую дорогу или непривычку к жаркому климату. Куда сильнее Первин обеспокоило то, что круглое загорелое лицо Элис выглядело напряженным, а этого не было, когда год назад они прощались в Англии. Напряжение не сквозило в ясных голубых глазах Элис, но читалось в складке губ: на них не было улыбки.

– Ты чего? – удивилась Элис, заметив этот пристрастный осмотр.

– Синий тебе к лицу, – поспешно произнесла Первин.

Вот так же ей, Первин, пришлось по душе их университетская дружба: ведь она тогда была беззащитной молодой женщиной, стремившейся забыть свое прошлое.

Рядом с Элис она чувствовала себя в Англии сносно, рядом с ней проще было забыть угрозу под названием Сайрус. Но однажды вечером, когда они проходили мимо Баллиол-колледжа, пьяный первокурсник метнул бутылку через двор. Первин вскрикнула и убежала во тьму. Элис помчалась следом и вытянула из подруги правду о том, почему звук бьющегося бутылочного стекла повергает ее обратно в прошлое.

Первин была признательна Элис за то, что она ее не жалела и не осуждала. Элис помогла ей встать обратно на ноги, научиться не думать каждый миг о стене рушащихся блестящих бутылок...

Первин, содрогнувшись, вернулась в настоящее.

– Ну, говори. Что-то не так! – требовательно произнесла Элис.

Первин страшно хотелось рассказать ей о том, что Сайрус, похоже, появился снова. Ее остановила мысль, что Элис, наверное, очень устала, да и страх перед тем, что назойливая Гвендолен Хобсон-Джонс может в любой миг войти в дверь. Если эта женщина почует, что в жизни у Первин не все в порядке, она, чего доброго, запретит Элис с ней общаться.

Первин ответила:

– Так, простудилась слегка.

7. Птица на крыле

Бомбей, февраль 1921 года

Отведав с Элис и ее родителями чая – таким и кролика не насытишь: тарелочка сэндвичей, кекс без начинки и ломтики папайи, – Первин извинилась и сказала, что ей пора домой.

– Жаль, что ты подала так мало дахитанов, которые принесла Первин, – обратилась Элис к матери. – Они тут были вкуснее всего.

– Сладкое нужно есть с умеренностью. Судя по твоему виду, ты с нашей последней встречи себя не ограничивала, – укорила дочь леди Хобсон-Джонс.

– Я такой худой, как ты, никогда не буду. Чего и стараться? – вспыхнула Элис.

– Мисс Мистри, вы не откажетесь еще раз прокатиться на «Серебристом призраке»? – прервал их сэр Дэвид. – Сирджит может отвезти вас домой.

– Вы очень любезны, сэр, но колония парсов Дадар довольно далеко.

– А можно и я поеду? – спросила Элис. – Колония парсов – это так интересно!

Леди Хобсон-Джонс покачала головой.

– Душенька, ты две недели провела в море. Ты не можешь знакомиться с родными Первин, не приняв ванны.

– Завтра после работы я свободна, – встала Первин. – Может, придешь к нам на чай?

– Завтра мистер Мартин повезет Элис на вечеринку в честь ее приезда, – поспешно объявила мать Элис. – Но вы наверняка уговоритесь на какой-то другой день.

– Позвони мне. Телефон у нас есть и дома, и в конторе. С восьми до шести я по большей части там. – Первин открыла сумочку, вытащила визитницу. Вручила Элис карточку, которую ее родители рассмотрели по очереди.

– Это визитная карточка вашего отца? – спросил сэр Дэвид, подняв брови.

– Нет, моя. В деловой переписке я пользуюсь инициалами П. Дж. Мистри. Проще привлекать новых клиентов, если они не знают, что я женщина.

– То есть вы работаете поверенным! – Сэр Дэвид удивленно перевел глаза с текста на карточке на ее лицо.

– Папа, мы же уже говорили об этом в машине! – напомнила Элис.

– Учиться на юриста и работать юристом – не одно и то же. Я еще не видел женщин-адвокатов ни в индийских, ни в британских судах, – пояснил дочери сэр Дэвид.

– Поверенные не выступают в суде, – сказала Первин. – Я собираю сведения перед подачей дел в суд, составляю контракты для наших клиентов. Мой отец иногда выступает на заседаниях, но в большинстве случаев мы нанимаем барристеров представлять наши дела.

– Ну ничего себе, – удивилась леди Хобсон-Джонс, наливая в бокал шерри. – Сколь вдохновляющая история.

Элис тут же поймала ее на слове.

– Мама, я очень рада, что ты за то, чтобы женщины работали. Я уверена, что в Бомбее есть вакансии для учителей.

– Но ты явно перетруждалась в этой зачуханной средней школе в Северном Лондоне! Разве ты не хочешь немного передохнуть?

Первин поняла: надвигается буря. Она опустила серебряную вилочку на пустую тарелку из-под кекса и сказала:

– Сэр Дэвид и леди Хобсон-Джонс, я прошу вас меня простить. Скоро стемнеет, так что я спущусь вниз к стоянке рикш.

– Я же уже сказал: вы должны ехать домой на «Серебристом призраке»! – вскинулся сэр Дэвид. – Я регулярно читаю хронику преступлений. За прошлый год несколько девушек, ехавших в таксомоторе или на рикше, исчезли без следа.

Кто она такая, чтобы отказываться от дельного предложения? Первин улыбнулась и ответила:

– Вы очень добры. Мне, однако, придется сделать короткую остановку – повидать клиента, который живет неподалеку. Не обременит ли это водителя?

«Серебристый призрак» отчалил от ворот бунгало Хобсон-Джонсов и докатил до входа в дом номер 22 по Си-Вью-роуд за две минуты. На сей раз Первин дождалась, когда водитель Хобсон-Джонса откроет ей дверь: нужно было продемонстрировать свой авторитет на случай, если за ней наблюдают.

Первин подошла к воротам, предусмотрительно держа в руке визитную карточку. Широкоплечий привратник-дурван в поношенной зеленой форме поспешил мимо нее к другой двери «Роллса».

– Больше там никого нет, – сообщила Первин, сообразив, что, по понятиям стража ворот, в машине должен быть хотя бы один мужчина.

Он с разочарованным видом подошел к ней. Когда Первин объявила, что хочет поговорить с женами Фарида, он отчаянно замотал головой, а заодно и обвисшей кисточкой фески.

– Бегум в трауре, никого не принимают.

– Мукри-сагиб уведомил меня, что они попросили о консультации. – Если она и искажала истину, то лишь слегка.

Страж умолк и стоял прямо, недвижно, напоминая колонны по обеим сторонам от ворот.

Первин решила дать дурвану время обдумать ситуацию. Она знала, что «Серебристый призрак» наверняка уже привлек внимание привратников из соседних домов. Если она не двинется с места, они обратят внимание на то, как грубо работник Фарида обходится с женщиной, которая, возможно, приехала по поручению губернатора.

Страж с удрученным видом открыл ворота и низко опустил голову, будто бы не желая видеть, как Первин входит внутрь. Она поблагодарила его и уверенно зашагала по мощеной дорожке, миновала небольшое семейство павлинов – те с подозрением посмотрели ей вслед. Трава была высокой и клочковатой, похоже, в последний месяц садовник ее не стриг.

Остановившись возле дома, Первин отметила, что штукатурка отслаивается, местами появилась зеленоватая плесень. Гвендолен Хобсон-Джонс сказала правду: за домом не ухаживают должным образом.

Дверь открылась, скрипнули тугие ржавые пружины. Перед Первин стоял маленький мальчик, одетый в обтерханную жилетку и панталончики. Она поневоле заметила, что одна щека у него почти полностью скрыта огромным родимым пятном: многие и по сей день верят, что это печать дьявола.

Первин ободряюще улыбнулась вестнику, которому явно было не больше десяти лет.

– Меня зовут Первин Мистри, я ваш семейный поверенный. Приехала повидаться с Мукри-сагибом. Передашь ему мою визитную карточку?

– Да, мемсагиб. – Ребенок взял карточку и беззвучно вышел из вестибюля.

Первин сняла кожаные сандалии, поставила их на резную полочку из камфорного дерева, заметила, что там стоят мужские европейские туфли и индийские чаппали²⁹. Удивилась, что женских сандалий на полке нет – значит, женщины никогда не выходят? Или, возможно, у них отдельный вход в зенану, женскую половину дома, где обитают жены и маленькие дети.

Первин огляделась, оценивая красивое старинное бунгало. Синие и оранжевые ромбы на полу перекликались с узором на мраморных архитравах, венчавших высокие стены нежно-лазурного цвета. Вестибюль украшали величественные колонны, инкрустированные панелями

---

²⁹ Чаппали – традиционная индийская обувь, своего рода босоножки с закрытым носом.

с изображением виноградных лоз и цветов – мозаиками из полудрагоценных камней. Первин сообразила, что бунгало построено в 1880-х годах, немногим позже, чем Мистри-хаус.

Первин присела на низкую софу, прислонилась к спинке. Софа выглядела очень элегантно, хотя бархат протерся почти насквозь.

Услышал клацанье домашних туфель по плиткам пола, она распрямилась. По коридору к ней шел хорошо сложенный мужчина лет двадцати с небольшим, одетый в шелковую пижаму-курту.

Первин сделала приветственный жест-адаб, которому ее научил Мустафа: слегка прикоснулась пальцами к сердцу, потом ко лбу. Мужчина его не повторил.

– Вы из адвокатской конторы Мистри? – осведомился он.

На эту грубость она ответила с вызовом:

– А вы мистер Мукри?

– Да. Почему Мистри-сагиб не пришел лично? – В голосе так и бурлило возмущение.

Первин рывком распрямила спину.

– Он прислал меня. Я П. Дж. Мистри, второй поверенный фирмы.

Мукри скривился так, что закрученные и навощенные кончики усов поползли вниз.

– Я не имею намерений менять представителя.

В этих словах она почувствовала скрытую угрозу.

– Смены и не происходит. У нас семейная фирма, мы все действуем в ваших интересах.

Отец прислал меня, поскольку я, как женщина, могу поговорить со всеми бегум напрямую. И я бы очень хотела обсудить с ними их письмо.

Мистер Мукри махнул рукой, будто отгоняя насекомое.

– В разговоре нет никакой нужды. Я отправил вашему отцу письмо с их подписями. Этого всегда было достаточно.

Отец ее не потрудился разобраться в деле, именно поэтому она и взяла его на себя. Но вряд ли стоит сейчас об этом упоминать.

– Мы внимательно изучили документ, но есть определенные вопросы касательно махра.

– Они все хотят отдать свои махры в вакф, – заявил Мукри безапелляционно. – На деле получили они совсем немного: по тысяче и одной рупии в год. Обновленный вакф – Фонд семьи Фарид – отчаянно нуждается в средствах. Сейчас – особенно сильно, поскольку средства вакха пойдут на строительство медресе³⁰ для мальчиков.

– Вот как? Это новость! – Первин очень удивилась.

– Таково было предсмертное желание Фарид-сагиба.

Она ни разу не видела в бумагах мистера Фариды упоминания о религиозной школе для мальчиков; придется спросить у вдов, чего он действительно пожелал перед смертью. Однако доступ к ним – в руках у мистера Мукри. Действовать нужно аккуратно.

– Сагиб, вы очень рачительно распорядитесь состоянием покойного. Но имеются четкие правила касательно уже существующих договоров, регулирующих махры всех дам, и распоряжения наследством. Мы должны действовать строго в рамках магометанского закона.

– Безусловно. – Мистер Мукри сел на стул как можно дальше от нее, будто бы проводя границу. – И прежде всего полагается оплатить похоронные расходы и оставшиеся медицинские счета. Это уже сделано.

– Благодарю вас, что вы об этом позаботились. – Первин улыбнулась, но сурово, потому что подтверждения оплаты этих счетов он им присылал целую вечность. Она достала из портфеля блокнот и старый самопишущий «Паркер». – Следующий шаг – убедиться, что закрыты все остальные долги. Была ли у вас возможность прочесть письма с именами кредиторов, которые я вам посылала?

---

³⁰ Медресе (урду) – школа, где учат основам ислама.

– Я их видел, но вы не переживайте. Все счета оплачены. Фарид-сагиб потому меня и нанял, что знал: я не пренебрегу подобными обязанностями.

Первин взглядела в него. Хитрые глазки на когда-то красивом лице, расплывшемся от переедания. Судя по небрежному туалету, он разве что не жил прямо в доме. Наслаждался роскошью и наверняка боялся ее лишиться.

– Я с вами согласна, сагиб. Однако в интересах дела необходимо, чтобы все поставщики по хозяйству – портные, бакалейщики, строители и прочие – представили подтверждение, что счета оплачены. Я готова их собрать, но мне нужно знать с кого.

– Да, конечно, – кивнул он, покручивая кончик уса – похоже, нервничал. – Я этим занимаюсь. Но главное – решить вопрос с передачей вдовами средств в вакф.

– Вы приложили письмо, подписанное всеми тремя бегум, – продолжила Первин. – Однако любой судья, если он станет разбираться с этим делом, немедленно задаст вопрос, ставили ли они подписи при свидетелях.

Мукри сощурился.

– У вас на руках документ, в котором стоят все подписи.

Сердце у Первин заколотилось, потому что ей предстояло ему возразить.

– Судья их не примет при отсутствии свидетеля.

– Но дамам запрещено находиться в одной комнате с мужчинами. Сейчас идат, период вдовьего траура, он длится четыре месяца и десять дней.

Тут и появилась лазейка.

– Разумеется, никто не собирается нарушать религиозные обычаи. Именно по этой причине я и приехала. Я с легкостью могу переговорить с каждой из женщин в отдельности. Если они подтвердят, что добровольно отказываются от своего махра, я составлю на эту тему отдельный договор.

– Неужели все эти лишние хлопоты необходимы? Мы планируем открыть медресе уже в июле. Нужно платить строителям, необходимы деньги на покупку книг и на жалованье учителям.

– К сожалению, это неизбежная процедура, и, поскольку про медресе я слышу впервые, можете вы мне сообщить его название и адрес?

Первин начала записывать и увидела, что лицо у мистера Мукри напряглось.

– Называться он будет «Институт Фариды». В районе, где живут большинство мусульман.

– Ясно, – ответила Первин, поняв, что он возводит между ними стену, утыканную таким же острым стеклом, что и стена вокруг бунгало.

– Как быстро сможете вы предоставить нам деньги на новую школу? – осведомился Мукри.

Ее ответ его не обрадует, но она скажет правду.

– Чтобы поменять уже существующие договоренности, нужно запросить одобрение в нескольких местах. Бюрократия работает медленно, боюсь, на это уйдет не меньше трех месяцев.

Мукри скривился и ответил:

– Почти настал час вечерней молитвы, так что сегодня повидаться с дамами вам не удастся. Можете зайти к ним завтра.

Первин не возражала против отсрочки. Успеет собрать документы, связанные с махрами, чтобы потом показать дамам; просмотрит и другие, хранящиеся в конторе. Она с благодарной улыбкой осведомилась:

– В какое время мне лучше завтра прийти, Мукри-сагиб?

– Я почти весь день буду на фабрике, можете встретиться с дамами в любое время до четырех – часа полуденной молитвы.

– Я приеду к двум. Спасибо вам большое, что уделите мне время. Я вас уверяю, что наша главная задача – выполнить все пожелания достойного мистера Фариды.

Мукри поднялся и наставил на нее палец:

– Надеюсь, вы сделаете всё, что должно, – в противном случае я пожалуюсь вашему отцу!

Мистер Мукри не пошел провожать ее до двери. Это тоже было невежливо. Первин, раздосадованная, нагнулась, чтобы взять с полки свои сандалии. Посмотрела вниз и заметила одну вещь. За полкой находилась стена-джали из мрамора с ажурным геометрическим узором. За крошечными отверстиями она разглядела какую-то темную фигуру. Всмотрелась – фигура скользнула в сторону и исчезла.

Стены и окна с ажурной решеткой-джали всегда позволяли женщинам наблюдать за событиями, от участия в которых они были отстранены. Мусульманские архитекторы строили их специально, тем самым давая тем, кто оставался за сценой, доступ к происходящему.

Первин не разобрала, кому принадлежала фигура – даме, ребенку или слуге. Поняла одно: этот кто-то не хотел, чтобы его заметили.

Дороги до колонии парсов, Дадара, было всего-то полчаса, но Первин поездка показалась вечной. Ей не терпелось обсудить новости с отцом. Она надеялась, что у мистера Мукри не сложилось впечатления, что она станет уговаривать женщин внести в документы нежелательные ему изменения. Однако, заметив его авторитарность, она только укрепилась в мысли, что женщины должны четко понимать все свои права.

– Мой дом – вот тот большой желтый справа, с двумя дверями, – сообщила Первин Сирджиту, когда они свернули на Диншо-Мастер-роуд.

Когда машина остановилась перед оштукатуренным дуплексом Мистри, построенным два года назад, соседские мальчишки, игравшие в ближнем парке, побросали крикетные биты и примчались погладить редкостный автомобиль.

– Не трогать! Вы, идиоты, не видите, что это машина губернатора? – рявкнул на них Сирджит.

– А что Первин натворила – съела его, что ли? – не остался в долгу один из мальчишек.

Пересмеиваясь, мальчишки всё вились вокруг машины. Первин пожалела, что Сирджит так уж резок.

– Пошли прочь, а то физиономии в пюре расквашу!

Первин подняла глаза и увидела Растома. Ее старший брат, а с ним рядом Гюльназ смотрели сверху, перегнувшись через витые железные перила балкона на втором этаже – на этот балкон выходили окна их спальни и гостиной. Оба в халатах, длинные роскошные волосы Гюльназ не только распущены, но и не прикрыты.

Первин почувствовала укол досады. Шесть вечера, понедельник – а они прилегли отдохнуть! Можно подумать, молодожены, хотя женаты уже два года.

– Что там такое, Первин? – крикнул Растом.

– Подруга отправила меня домой на чужой машине. Будь ты приличным человеком, спустился бы и посмотрел.

Машина уже привлекла внимание нескольких юношей. Первин увидела Рахана Мехта с парочкой спутников – не парсов: на всех на них были кепки с эмблемой партии Конгресса. Отец саркастически называл их «бригадой освободителей».

– Это еще что такое? Ты почему едешь на машине с государственной печатью на дверцах? Наверняка она принадлежит какой-то шишке! – напустился на нее Рахан.

– Сэр Дэвид Хобсон-Джонс – советник губернатора по особым делам, – с явственной гордостью сообщил ему Сирджит. – Губернатор Ллойд передал машину в его распоряжение.

– Официальная правительственная машина! – Рахан смерил Первин презрительным взглядом. – Нашлась тут лучшая подружка Джорджи.

– Иди сахара съешь, – ответила Первин, думая, что поездка, начавшаяся просто как мечта, превращается в откровенную неловкость. – Благодарю вас, Сирджит. Пожалуйста, скажите всем, как я признательна вам за услугу.

Сирджит отъехал, а Рахан все не отцеплялся:

– Любительница англичан! Неудивительно, что твоя родня строит эти дурацкие королевские ворота.

Речь шла об участии фирмы Мистри в строительстве «Ворот в Индию» в Аполло-Бандере. Первин подняла глаза и даже на расстоянии увидела, как лицо ее брата залилось краской. Покачала головой. Она внизу и полностью одета. Сама разберется.

Первин подступила к Рахану и его друзьям на расстояние в несколько сантиметров.

– Рада буду рассказать вашему сообществу о деятельности индийцев в Европе, в том числе и про мадам Бхикайджи Каму, которую посадили в тюрьму после того, как она выступила с речью о независимости Индии перед индийскими солдатами в Европе.

Молодые люди смущенно забормотали.

– Мадам Каме дорого обошлось ее выступление: ее лишили права вернуться на родину, – добавила Первин, глядя на парней с презрением. – Подумайте о ней на досуге, а заодно и о том, что свободы следует добиваться не оскорблениями, а общением с людьми за пределами своей общины.

– Ну и переполох ты сегодня устроила, – заметил Растом, когда вечером все они сели ужинать в столовой у родителей.

– Я не специально. Отец Элис настоял, чтобы я поехала на этом автомобиле. И я подумала, Растом, что тебе, наверное, будет интересно его осмотреть. – Она сделала многозначительную паузу. – Но ты был не одет.

– У тебя язычок – как ножницы только что от точильщика. – Растом кинул на нее убийственный взгляд.

– А почему отец твоей подруги распоряжается машиной губернатора Ллойда? – осведомился Джамшеджи, намазывая маслом пури³¹.

– Сэр Дэвид Хобсон-Джонс работает на губернатора. Они отвезли меня на этой машине с причала в свое бунгало на Малабарском холме – и, разумеется, позаботились о том, чтобы я благополучно вернулась домой.

Растом присвистнул.

– Сэр Дэвид Хобсон-Джонс – советник губернатора по особым делам, ему поручена новая застройка Бэк-Бея!

– Я что-то такое слышала. – Удостоив брата улыбки, Первин добавила: – И он знает о существовании нашей строительной фирмы.

– Ну еще бы! – подала голос Камелия. – Расскажи, как выглядит дом Элис.

Первин закатила глаза.

– Один из тех уродцев, про которые дедушка Мистри раньше говорил, что они загубят Малабарский холм. Впрочем, внутри там интересно, мебель очень современная.

– Как предусмотрительно ты сдружилась с дочерью сэра Хобсон-Джонса! – восторженно произнесла Гюльназ.

– Сэра Дэвида, – поправил Растом, погладив жену по руке. – Как вот и губернатора нужно называть сэр Джордж, если кому вдруг понадобится к нему обратиться. Ну а теперь благодаря Первин у нас есть все шансы получить приглашения в Секретариат.

Над столом прошелестел смех, Первин пришлось стукнуть вилкой по бокалу, чтобы ее слушали дальше.

---

³¹ Пури – булочка из пресного пшеничного теста, зажаренная во фритюре.

– Довольно! Мы с Элис знакомы уже почти четыре года, и я никогда не стану извлекать из этого корысти. Наша дружба – вне семейной политики, бизнеса и всего остального.

– Но речь идет об интересах семьи, – заметила Гюльназ. – А это совсем другое дело. Твоя подруга должна стать и нашей подругой, разве нет?

Раньше Первин и Гюльназ дружили довольно поверхностно, но все изменилось после того, как они породнились. Отношения у них были приятные, но слегка кривобокие. Первин осторожно произнесла:

– То, что парсы безусловно поддерживают англичан, заблуждение. Мы должны его развеять.

– Если у тебя такая задача, чего ж ты раскатываешь в губернаторской машине? – осведомился Растом.

– Тут у меня не было выбора. А еще я подумала, что ты будешь рад посмотреть на эту машину и не станешь меня чихвостить!

– О господи. – Гюльназ встревоженно переводила взгляд с брата на сестру. – Я не хотела вызвать между вами ссору.

– Никакая это не ссора, душенька, – заметила Камелия. – Обычная родственная перепалка.

Джамшеджи оглядел стол и заговорил с притворным укором:

– Сильнее всего меня огорчает, что никто не спросил, как прошел мой день. А я, между прочим, выиграл очень большое дело.

– Ой, папа Джамшеджи, расскажите поподробнее! – воскликнула Гюльназ, льстиво изображая любящую невестку.

Джамшеджи напомнил всем о подробностях дела, а потом представил полный отчет. «И судья сказал...» – а потом: «Я велел барристеру ответить, что...» и «Потом сам юноша, Джаянт, показал, что...»

Все завороченно слушали, а Первин поняла, что в этот победный вечер отцу ее некогда слушать про ее тревоги касательно появления в городе Сайруса Содавалла и его приспешника. Кроме того, если отец встревожится, он может завтра ее и не отпустить в бунгало Фариды. А ей обязательно нужно поговорить с дамами.

После ужина Первин поднялась к себе в комнату. С собой она несла оловянную мисочку, где лежали полбанана и остатки вареной цветной капусты. Переодевшись в ночную сорочку, она открыла стеклянную дверь на свой собственный балкон, выходящий в тихий зеленый садик. Лилиан спала в своей медной клетке, спрятав голову под крыло, но тут же встрепенулась.

– Салют, подруга! – проскрипела Лилиан и прыгнула с жердочки.

– Салют, Лилиан, – ответила Первин, улыбаясь александрийской попугаихе.

– Боже, храни королеву! – проклекотала Лилиан, заметив мисочку с едой.

Первым владельцем Лилиан был покойный дед Первин, это он научил ее этой фразе во времена правления королевы Виктории. Потом, сколько дедушка Мистри ни трудился, ему не удалось убедить птицу признать Эдуарда VII или Георга V. Первин пыталась научить Лилиан декламировать строку из «Ванде матарам»³², стихотворения о свободе, но та лишь иногда курлыкала: «матарам», – когда получала что-то особенно вкусное.

Первин открыла дверцу клетки. Птица порскнула наружу огромным шаром бледно-зеленых перьев. Стремительно взмахивая крыльями, она описала несколько кругов над садом, а потом вернулась на ручку шезлонга, на которую Первин поставила ей мисочку с ужином. Ела Лилиан деликатно, а потом совершила несколько коротких вылазок в сад, где кричала на других птиц, изгоняя их со своей законной территории.

---

³² «Ванде Матарам» (хинди и другие языки) – «Да здравствует мать-Индия», клич борцов за свободу Индии, а также название знаменитого стихотворения.

Случалось, что Лилиан оставалась на свободе по нескольку часов: пила воду из птичьей поилки, следила, чтобы в сад не залетали пернатые пришельцы. Но когда появлялись комары, Первин уходила с балкона и шла читать в спальню, в уютную постель под москитной сеткой.

Никто не боялся, что Лилиан потеряется. Она была членом семьи Мистри и, подобно блудной дочери, всегда возвращалась домой.

8. Мелкий шрифт

Бомбей, февраль 1921 года

«Основы магометанского закона» были написаны по-английски, и вроде бы понимать их было несложно. Но чем внимательнее Первин вчитывалась в книгу, тем больше та напоминала минное поле.

По мусульманскому брачному праву вдова имела право истребовать свою долю, каковая считалась долгом и вычиталась из наследства мужа. Выплатить ее надлежало до распределения активов и погашения долгов. Вот только Первин не нравилось слово «истребовать». Можно это так истолковать, что, если вдова решит не забирать свой махр, распределение наследства и погашение долгов произойдут без всяких вычетов. Видимо, именно так и считает мистер Мукри.

Первин потеряла глаза. Два часа читать трактат по юриспруденции – дело утомительное. Ей хотелось посоветоваться с отцом, но он уехал в Кемпс-Корнер на встречу с клиентом. Первин записала вопрос в блокноте и перешла к другому важному делу: перевести письмо мистера Мукри, написанное по-английски, на хинди. Она закончила к двенадцати и пошла через улицу к нотариусу из другой фирмы, чтобы тот заверил перевод.

Привычная суета на Брюс-стрит напомнила ей про незнакомца, которого она недавно видела, про Сайруса. Она оглядела фасады всех зданий, в том числе и кафе «Яздани» на углу, и только потом снова поднялась наверх, чтобы дальше изучать мусульманское законодательство.

Без четверти час Мустафа доложил, что пришел Джаянт. Обрадовавшись возможности отвлечься, Первин поспешно спустилась вниз.

Увидев ее, Джаянт сложил ладони в приветствии-намасте. Выглядел он куда лучше, чем когда сидел в бомбейской тюрьме. Он принял ванну, оделся в чистую лунги³³ и жилет. Спину держал прямо, лицо слегка округлилось: похоже, все тревожения остались позади.

– Доброе утро, Джаянт! – поздоровалась Первин. – Сожалею, что не смогла вчера прийти на слушанье и поприсутствовать при вашей победе.

– Мне вас тоже не хватало. Я пришел поблагодарить. – Юноша вытащил из-за спины хрупкий на вид зеленый пакетик. – Мама приготовила для вас сладкий рис с кокосом. По нашему, коли, традиционному рецепту.

Коли – местная народность, многие ее представители так или иначе связаны с морем. Первин подумала: занятно, что «коли» звучит почти как «кули» – так в Индии англичане называют грузчиков, а именно грузчиком Джаянт и работает на причале Баллард. Работа тяжелая, травмоопасная, мужчины на ней редко доживают до сорока лет.

– Я ужасно люблю рис с кокосом! – сказала Первин, принимая у посетителя завернутое в банановый лист лакомство. – Как вы узнали, что именно в это время дня я ужасно хочу есть? Это гораздо вкуснее печенья. Но вы другое скажите: почему вы-то сейчас здесь? Вас не взяли обратно на работу?

– С пяти утра при деле. У старого Рави лицо было кислое как тамаринд, но он не мог ничего поделать. А мои друзья очень довольны, что у нас теперь каждый день будет перерыв. Я в перерыв-то к вам и пришел. Знаю, что вы немало потрудились, чтобы выиграть наше дело.

– Не могу так сказать, – воспротивилась Первин. – Это мой отец очень убедительно выступил в суде.

– Да, но по вашим заметкам! – решительно объявил Джаянт. – Может, денег у меня и нет, но если вам что-то понадобится в доках – говорите. Например, что-то узнать о каком-то человеке, фирме, судне. Или, там, купить товар по специальной цене...

---

³³ Лунги (хинди и другие языки) – короткая набедренная повязка.

Первин торопливо ответила:

– Вы очень добры. Но все расчеты по вашему делу закрыты.

Вот уж чего ей не надо – чтобы его арестовали за воровство.

После ухода Джаянта Первин взяла пакетик с рисом и вернулась к письменному столу. Есть за работой вульгарно, но у нее было мало времени. Она как раз проглотила последний кусочек, когда внизу раздалась шага отца. Первин тут же выбросила банановый лист и тщательно вытерла стол носовым платком.

– Ой, папуля, тебе, похоже, жарко! – воскликнула она, заметив, как вспотела отцовская лысина.

– Я попросил Армана высадить меня ненадолго у клуба «Рипон», а оттуда пришел пешком. Ранняя в этом году весна.

– Присядь, принесу тебе воды. – Первин налила прохладной воды из серебряного кувшина на поставце в чистый стакан, добавила веточку мяты, росшей у окна.

– Это работа Мустафы, не твоя, – заметил отец, с негромким кряхтением усаживаясь на стул.

– Мустафу я отправила кое-что купить. – На самом деле она хотела, чтобы Мустафа поспрашивал на улице, не видели ли там и сегодня незнакомого бенгальца и кудрявого парса.

– Уж он-то всегда рад пойти погулять, – заметил отец, с удовольствием отхлебнув воды. – Ему жара нипочем, несмотря на возраст.

– Он любит повторять, что жар придает силы. – Первин взяла со стола «Основы магометанского закона». – Можно тебе задать вопрос по поводу сто восьмидесят четвертого параграфа, «Сущность вдовьей доли»?

– Давай, – согласился отец, отхлебнув еще.

Первин спросила, правда ли, что отложенная доля подлежит выплате сразу в момент прекращения брака через развод или смерть супруга.

– Можно не производить этой выплаты, если жена сама отказывается ее принимать?

– В их общине принято, чтобы доля была выделена сразу по заключении брака. Но впоследствии выдача назначенного женщине имущества не является обязательной, – без запинки ответил Джамшеджи. – Впрочем, судья все-таки предпочтет получить от поверенного подтверждение, что женщине вручили причитающееся. А уж потом она вольна отдать полученное в дар. Тогда ситуация совершенно однозначная.

– Часть махра, скорее всего, у них на руках. Я почти уверена, что Сакина-бегум сможет предъявить свои драгоценности, а Мумтаз – музыкальные инструменты, но я спрошу их отдельно. – Первин взяла папку с бумагами Фариды, еще раз перелистала. – Доказать, что Разии-бегум принадлежат ее четыре акра земли, будет сложнее, потому что я не нашла здесь купчей на землю на ее имя. Она хранится в другом месте?

– Нет, – ответил Джамшеджи и поставил стакан на стол. – После свадьбы я спросил Фарид-сагиба, хочет ли он оформить передачу собственности официально. Он отказался. Я не стал настаивать, поскольку поверенный не обязан вносить такие изменения. Их можно сделать в любой момент с учетом того, что они прописаны в договоре на махр.

Первин не понравилось, что отец занял столь пассивную позицию.

– Надеюсь, что перевести право собственности на Разию-бегум еще не поздно.

– Желание мужа передать ей землю внесено в договор. Оформить сделку можем либо мы, либо мистер Мукри.

Первин нисколько не сомневалась, что мистер Мукри этого делать не станет – если только переданная в дар земля потом не попадет в вакф. И что тогда?

– Земля не принесет в вакф дополнительные средства, если ее не продать. А как Разия-бегум может ее продать, если на ней стоят фабрики?

Джамшеджи помолчал, а потом покачал головой.

– С фабриками ничего делать не нужно, просто земля под ними может войти в семейный фонд, компания будет вносить в него арендную плату. Но это слишком сложная юридическая комбинация, тебе опыта не хватит. Когда я передавал тебе вчера это дело, я не знал об этом осложнении.

– Ладно, посмотрим. Может, Разия-бегум и не захочет отдавать свои акры, когда я ей все объясню как есть.

Джамшеджи предостерегающе поднял палец.

– Не забывай: как мы с тобой рассудили, подпись Разии-бегум на письме об отказе от собственности – единственная подлинная. Возможно, она как раз за то, чтобы передать свои активы в вакф.

– Наверное, – протянула Первин не без сомнения.

– Ты как, хочешь пообедать? Горло я смочил, теперь слышу призывы желудка.

– Я бы с удовольствием с тобой поела, но в два должна быть в бунгало Фариды. Можно я возьму машину? – Она искательно глянула на отца.

– Разумеется. Лошадь отсюда тонгу на Малабарский холм не вытянет. И мне пришла в голову еще одна причина, почему мы не будем обедать вместе, – добавил отец лукаво.

– Почему? – растерянно спросила Первин.

Отец указал на железную корзину для мусора, над которой уже кружило несколько мух.

– Низменная это привычка – приносить что-то, кроме чая с сухариками, в рабочий кабинет. Дед твой наверняка бы заплакал.

Дорога от Форты до Малабарского холма занимала меньше получаса. И тем не менее Первин успела вспотеть. Причем дело было не только в том, что день для февраля выдался теплым. Она нервничала: как правильно растолковать вдовам все подробности, а кроме того, ей ведь еще нужно выяснить, как они относятся к Файсалу Мукри. Если он и с ними ведет себя так же неучтиво и властно, как с ней, они наверняка ей доверятся.

Перед воротами дома 22 по Си-Вью-роуд стоял все тот же вздорный дурван. Он заглянул в «Даймлер», увидел Первин, и лицо его побагровело. Он ткнул в Армана пальцем и рявкнул, что тот остановился не там, где надо.

– Мемсагиб? – Арман повернулся и вопросительно глянул на Первин.

Первин сдержанно обратилась к привратнику:

– Вчера, напомню, вы меня впустили. Я адвокат вашей семьи, и Мукри-сагиб дал мне позволение приехать снова.

– Да-да! – коротко подтвердил дурван. – Но если вы к женам, то вам нужен вход в зенану. Это вторые ворота. Я их уже открыл.

Теперь Первин почувствовала себя в глупом положении. Арман проехал еще несколько метров, повернул ко вторым воротам. Выложенная кирпичом подъездная дорожка вела к северной стене дома, к которой была пристроена длинная въездная арка под медной кровлей. Первин поняла, что эта постройка скрывала женщин, когда они садились в машины или повозки.

Первин вышла, осмотрела сад. Эта часть домового территории была густо засажена высокими деревьями. На запущенном газоне выросли сорняки, а вот за бордюром из розовых кустов явно ухаживали, они выглядели здоровыми.

Первин постучала в дверь, в ответ – молчание. Она выкрикнула приветствие в прорези в мраморном окне-джали, и примерно через минуту дверь ей открыла девочка в поношенном хлопковом шальвар-камизе³⁴.

---

³⁴ Шальвар-камиз (урду) – женская рубаха и шаровары, традиционная одежда мусульманок.

– Адаб, – поздоровалась Первин, заметив, что девочка – почти ровесница мальчику, которого она видела накануне. – Меня зовут Первин Мистри. Я приехала к бегум.

– Они про вас знают. Заходите, пожалуйста. – Девочка не поднимала головы, как будто стеснялась гости.

– Вчера в главной части дома мне открыл мальчик, – заметила Первин, снимая сандалии.

– Мой брат-близнец Зейд. Он хороший мальчик, – добавила девочка, повернулась и посмотрела на Первин. Сходство их лиц сердечком было очевидным, хотя на девочкином и не было родимого пятна.

– Зейд мне очень помог. А как тебя зовут, душечка? У тебя здесь родители работают?

Детская прислуга была в городе привычной реальностью, но Первин всегда тревожилась за тех, кого привозили из деревень в одиночестве и отдавали на работу в большие дома.

– Меня зовут Фатима. Наш папа здесь дурван, его зовут Мохсен. А наша мама, да сохранил ее Аллах, ушла в рай, когда мы родились. Она нас не выдержала.

– Мне очень жаль. – Первин хотела добавить что-то еще, но юная барышня ее прервала:

– Подождите, пожалуйста, здесь, мемсагиб. Я схожу за ними.

Фатима поспешила вверх по лестнице, Первин же оглядела приемную, которая оказалась примерно того же размера, что и вестибюль, где она беседовала с мистером Мукри. Вот только отделана она была иначе: на полу – старые плиты серого и белого мрамора, тут и там покрытые изысканными агрскими коврами. Розы, стоявшие в вазе на столе посередине, источали дивный аромат.

Заметив в западной стене проход, Первин сделала несколько шагов и оказалась в квадратной комнатке метра в два шириной, главным украшением которой была полутораметровая ниша, отделанная изразцовой мозаикой. Сотни крошечных плиток складывались в изображения цветов и витых арабесок всевозможных оттенков синего и сиреневого с добавлением желтого. Первин ощутила в этом некую древнюю изысканную культуру, которая почему-то показалась ей знакомой. До того как в середине XVII века Персию завоевали арабы, там правили зороастрийцы – в этих изящных цветочных мотивах чувствовалась их общая эстетика.

Услышав тихий шелест, Первин стремительно обернулась.

– Вы хотите помолиться? – На нее с любопытством смотрела худенькая девочка лет двенадцати. Шальвар-камиз был ей не по росту, но изготовлен из шелка с вышивкой – стало ясно, что это не прислуга.

– Амина! – К девочке подбежала миниатюрная женщина с роскошными черными волосами, собранными в высокий узел. – Не говори такого. Эта дама не мусульманка.

Первин смутилась, что ее поймали на самовольном разглядывании. Она быстро поприветствовала даму адабом: у той оказались красивые глаза с длинными ресницами и непредставимо-белая кожа, свидетельствующая о жизни взаперти. Дама была примерно ровесницей Первин, на ней было просторное черное сари, которое явно задумывалось как траурное, но, будучи шифоновым, производило впечатление элегантности.

Первин, смущенно вспыхнув, произнесла:

– Я не знала, что это святилище. Простите меня.

– Извиняться не за что, – куда более любезным тоном произнесла дама. – Михраб³⁵ для нас – самое священное место. Вы – мисс Мистри, верно? А я Сакина.

После вежливого ответа Первин стало не так неловко.

– Адаб, Сакина-бегум. Меня зовут Первин. Хочу принести запоздалые соболезнования в связи со смертью вашего мужа. Отец сказал мне, что он был необычайно достойным человеком, проявлявшим ко всем неизменную доброту.

---

³⁵ Михраб – украшенная ниша в мусульманском доме или мечети, используемая для молитв.

Сакина сдержанно кивнула.

– Благодарю за соболезнования, и они отнюдь не запоздалые: мы всё еще в трауре. – Пока она говорила, в комнату вошли еще две дамы в черном, их расшитые бисером туфельки слегка постукивали по мрамору. – Позвольте представить вам Разию и Мумтаз. Мы готовы выполнить любое ваше распоряжение.

Первин еще раз повторила адаб, дамы сделали то же самое. Высокая стройная женщина с седыми прядями в черных волосах, собранных в тугий пучок, явно была Разией. Судя по документам, ей было тридцать лет, Первин же показалось, что она выглядит немного старше: от носа к губам протянулись глубокие морщины.

У Мумтаз, третьей жены, кожа была довольно смуглой, что естественно для человека, не прожившего всю жизнь затворником. Она оказалась далеко не такой красавицей, как ожидала Первин: волосы заплетены в неопрятную косу, лицо отекающее, усталое. А еще от других ее отличало платье. На всех троих были свободные черные сари. Но если у Сакины оно было из легкого шифона, а у Разии – из тонкой чесучи, то на Мумтаз будто надели мешок из дешевой черной хлопчатой ткани – такое скорее станет носить бедная женщина, чем богатая.

– Благодарю вас за визит. Я – Разия, мать Амины, которая поприветствовала вас первой. – Голос у старшей жены был ниже, чем у Сакины, в нем чувствовалась располагающая внушительность. – Она очень ждала вашего появления еще со вчерашнего вечера, когда нам сообщил об этом Мукри-сагиб.

Тут Первин отвлек топоток маленьких ножек. Через несколько секунд в комнату вбежали две маленькие девочки в белых отделанных кружевом платьицах.

– Время заниматься музыкой с Мумтаз-халой³⁶! – пропела старшая. На вид ей было лет шесть: наверняка старшая дочь Сакины.

– Насрин, ты прервала Первин-биби³⁷, нашу гостью, – заметила Сакина, погладив Насрин по голове. – И Мумтаз-хала не сможет сегодня заняться с тобой и Ширин музыкой. У нее дела.

Пятилетняя Ширин подпрыгивала на одном месте.

– А кто наша гостя? Она откуда?

– Девочки, вам не место внизу. Тут взрослые разговаривают. Ступайте к айе. – В голосе Разии слышался упрек.

Первин поняла, что вдов нервирует ее присутствие и то же чувство передается детям. А это ни к чему. Она улыбнулась девочкам и сказала:

– А можно мне с ними поздороваться? Судья может спросить, видела ли я детей, в добром ли они здравии и настроении.

– Хорошо, – кивнула Разия. – Повезло вам, девочки, что представилась такая возможность.

Первин присела на корточки, чтобы заглянуть девочкам в глаза.

– Я Первин; можете, если хотите, звать меня тетей или халой. Я живу в парсийской колонии Дадар и работаю вместе со своим папой в районе, который называется Форт. Мы юристы: помогаем людям сохранить то, что им принадлежит. Мы пообещали вашему папе, что будем заботиться о вашей семье, чтобы все у вас было хорошо.

Когда Первин произнесла слово «папа», Амина прынула вперед и опустила ладони девочкам на головки, будто защищая их.

– Не говорите так.

– Прости... – Первин встревожилась.

– О них абба³⁸ заботится, – с укором произнесла Амина. – С небес.

---

³⁶ Хала (хинди, гуджарати, урду) – тетья.

³⁷ Биби (урду) – почтительное обращение к незамужней женщине.

³⁸ Абба (урду, арабский) – отец.

И парсы, и мусульмане верят в существование рая и ада. В этом их главное отличие от индуистов, верящих в инкарнацию.

– Вы, наверное, очень по нему скучаете.

Амина кивнула.

– Я скучаю. Он со мной каждый день разговаривал, даже когда болел. Ширин и Насрин не так хорошо его помнят, потому что не ходили к нему, когда он был болен.

– Аббе лучше на небесах, так амми³⁹ говорит. – Насрин протянула руку и с любопытством дотронулась пальчиком до края сари Первин. – У вас очень красивое сари. Не черное, не как у них.

Первин в первый момент запуталась, но потом вспомнила, что «амми» – это мама на урду.

– Они, наверное, не всегда будут ходить в черном, но сейчас так положено по обычаю.

– Мы будем соблюдать траур четыре месяца и десять дней, – без выражения произнесла Разия. – Потом станем одеваться как захочется, но поводов для радости у нас нет.

Первин ощутила, что Разия глубоко скорбит по мужу. Возможно, помимо душевной утраты, она еще и ощущает бремя заботы обо всей семье. Мумтаз и Сакина тоже выглядели подавленно. Первин стало интересно, одинаково ли Омар Фарид относился ко всем трем женщинам, раскрывался ли перед каждой по-иному, любил ли одну сильнее другой.

– А почему на вас сари так странно завязано? – тоненьким голоском спросила Ширин, прервав мысли Первин. – Так неправильно.

– Ширин! – укорила ее Сакина с мягким смешком. – Простите, пожалуйста, мою дочь за ее глупость.

– Хороший вопрос! – одобрила Первин. – Я из парсов, у нас принято носить сари так.

– Можно, пожалуйста? – попросила Насрин, вытягивая пальчики, чтобы потрогать вышивку.

– Конечно, можно. – Первин застыла, точно манекен, чувствуя себя так же, как чувствовала, когда родственницы суетились вокруг, оправляя сари перед свадьбой.

– А кто такие парсы? – спросила Амина, медленно произнося заученные английские слова.

– Зороастрийцы, которые родились в Индии. – Увидев, как вопросительно сошлись к переносице бровки Амины, Первин пояснила: – Мы тоже поклоняемся богу, но зовем его не Аллахом, а Ахурамаздой⁴⁰. Мои предки приехали на кораблях из Персии очень, очень давно. Другие зороастрийцы прибыли оттуда в последние сто лет. Они себя называют иранцами, потому что так по-персидски называется наша страна.

– А, понятно. Это как англичане зовут нас магометанами⁴¹. А мы мусульмане. – Глаза Амины так и сверкали. – Мои предки приехали из Аравии. Тоже на очень больших кораблях.

– Амина, ты учишь английский? – Первин удивили и сообразительность девочки, и то, что она отвечала по-английски, хотя Первин говорила на хинди.

– Мы все его учили, пока была английская гувернантка. Можно я поздороваюсь как следует: «Good afternoon, Miss Mistry»⁴²? – Амина вытянула тонкую ручку, чтобы Первин ее пожалала.

– Очень рада знакомству, – ответила Первин, пожимая руку Амины и думая, что все три девочки так и искрятся энергией. Потом она повернулась к Ширин и Насрин и заговорила на хинди: – Вот только вашего брата здесь нет. А я бы хотела и с ним познакомиться.

---

³⁹ Амми (хинди) – мама.

⁴⁰ Ахурамазда – единственный бог и создатель в зороастризме.

⁴¹ Магометанин – мусульманин.

⁴² Добрый день, мисс Мистри (англ.).

– Он наверху, спит. Ну, раз уж мы все познакомились, может, сядем? – предложила Сакина тоном любезной хозяйки. – Фатима, сходи к Икбалу, попроси его приготовить кувшин фалуды⁴³.

Юная служанка кивнула и поспешно вышла.

Гостеприимство вдов крайне располагало, но Первин не могла допустить, чтобы консультация превратилась в дружеские посиделки. Указав на свой портфель, она сказала:

– Мне очень приятно беседовать со всеми вами, но я должна переговорить с каждой отдельно.

– В зенане секретов нет. Мы все сестры! – откликнулась с дружелюбным смешком Сакина, показав полный рот сверкающих зубов. Как так вышло, что Сакина выглядит просто отлично, а вот Разия и Мумтаз – нет?

– Я это понимаю. Но судья потребует от каждой из вас отдельного письма. Ведь ваш муж женился на каждой из вас индивидуально, с каждой заключил свой договор на махр. – Говоря, Первин обвела всех жен взглядом. Похоже, Разия и Сакина не на шутку встревожились, а вот выражение лица Мумтаз не изменилось. Судя по виду, она привыкла подчиняться чужим приказаниям.

– А можно мы тут останемся? – спросила Амина. – Похоже, будет интересно.

Первин призадумалась: наверняка для этих детей гости – большая редкость.

– У меня есть идея. Если дети хотят заняться музыкой с Мумтаз-бегум, можно это сделать прямо сейчас. Перед тем как поговорить с ней, я приду и послушаю.

– Да, безусловно, – отозвалась Мумтаз, глядя на детей с усталой улыбкой. – Давайте порепетируем и устроим концерт.

– А как же фалуда? – захныкала Насрин.

– Мы тебе нальем стаканчик, если ты будешь стараться. – Сакина ласково посмотрела на дочь. – Первин-биби, я переговорю с вами первой, в своих личных покоях наверху.

«Биби» было уместным уважительным обращением к Первин, молодой незамужней женщине.

Вот только странный это дом, где вторая жена вызывается говорить прежде первой.

---

⁴³ Фалуда (урду) – сладкий молочный напиток, часто с добавлением розового сиропа и семян базилика.

9. Отверстия в стенах

Бомбей, февраль 1921 года

Вслед за Сакиной Первин поднялась по широкой мраморной лестнице в отдельный мир вдов Фарида. Здесь окна были закрыты мраморными решетками-джали, а все вокруг было испещрено пятнами света. Было красиво, но полутемно: Первин вспомнила, каково пытаться читать на балконе после заката.

Коридор зенаны на втором этаже изгибался буквой «Г». Сакина провела Первин по длинному проходу в более короткий, в конце его находилась металлическая перегородка-джали. Подойдя ближе, Первин разглядела, что тонкий узор на металле напоминает садовую решетку, увитую лозами с гроздьями винограда.

– Какая дивная работа, она мне напоминает двери кабинетов у нас в конторе. Возможно, что их делал один и тот же мастер. – Первин подошла поближе и увидела, что, судя по всему, позолоченная джали заперта с другой стороны, а в центре в ней проделана широкая щель, прикрытая дверцей на петлях. – А это что такое?

Сакина ответила улыбкой на ее комплимент, а потом пояснила:

– По этой джали проходит граница между зенаной и главной половиной дома. Через щель мы можем передавать бумаги и другие мелкие вещи. Это реликт былых времен, но теперь в доме живет Мукри-сагиб, и мы считаем уместным опять ею пользоваться.

– Здесь вы и сидите, когда разговариваете с Мукри-сагибом? – Первин посмотрела на скамеечку, обитую розовым бархатом.

– Да. А с другой стороны стоит стул, на который дозволено садиться джентльмену, если он получил разрешение войти в бунгало и имеет необходимость с нами поговорить.

Первин важно было узнать, с кем общаются эти женщины.

– А кто приходил в последнее время, кроме Мукри-сагиба?

– В декабре многие приходили скорбеть. Две недели назад военный, офицер, хотел обсудить с Разией какие-то подробности вакфа, но не смог войти в дом по причине траура.

Старшую жену Сакина называла просто по имени, то есть без той уважительности, которую выказала бы, добавив «бегум». Первин подумала, как бы к этому отнесся Мустафа.

– А ваши родственники часто здесь бывают?

– Я родом из Пуны, поэтому моя родня приезжает нечасто. – Сакина слегка расправила плечи, будто ей стало неловко. – Но мне не одиноко. Вы сами заметили, у нас тут вполне оживленно, а в хорошую погоду мы выходим посидеть в своем садике.

Первин ее слова не убедили.

– А телефон – вы можете по нему общаться?

Затененные длинными ресницами глаза вдовы блеснули.

– Телефонные разговоры стоят дорого. Кроме того, телефон стоит на главной половине. И используется только для деловых разговоров.

– А вы посещаете друзей в других частях Малабарского холма или Бомбея? – Первин стало казаться, что Сакина приукрашивает действительность.

– Некоторых знакомых – да. – Сакина смерила Первин бестрепетным взглядом. – Надеюсь, вы не считаете нас несчастными заточенными в тюрьме женщинами лишь потому, что мы соблюдаем пурду? Это всецело наш собственный выбор.

– Я понимаю, что вы добровольно выбрали такой образ жизни. – Тем не менее Первин смущало, как мало у этих женщин контактов с внешним миром – и даже нет телефона на крайний случай.

– Я каждый день благодарю Аллаха за то, что мы не на улице, в окружении опасных личностей, что дочери наши растут как розы в огороженном стенами саду. Это особая, очень

спокойная жизнь. Если бы нам позволили и дальше жить вместе в этом доме, я бы больше ни о чем не тревожилась.

– Разумеется, мы постараемся это устроить, Сакина-бегум. – Первин не без трепета прошла вслед за Сакиной в дверь, расположенную рядом с позолоченной джалли. Они оказались в богато украшенной спальне, где возвышалась огромная кровать под балдахином, отделанная розовым шелком. Цвет обивки в точности совпадал с цветом роз в мозаичных наличниках двери и окон. – Какая очаровательная комната. И к ней, как я понимаю, примыкает другая. – Первин понизила голос и спросила: – Там спит ваш маленький сын?

– Все дети живут в детской с айей. Джум-Джум всегда спит в это время дня, ему только что исполнился годик. В соседней комнате я пью чай с гостями – родственниками и друзьями, – а иногда просто отдыхаю, – произнесла Сакина с благосклонной улыбкой: Первин уже поняла, что такая улыбка – ее коронный номер. – Приглашаю вас туда.

– А сколько слуг в доме? – поинтересовалась Первин, опускаясь на алую бархатную банкетку, Сакина же села в такое же кресло. Черная лакированная этажерка была уставлена английскими и французскими фарфоровыми фигурками, на большом комоде красного дерева стоял в вазе букет из лилий и тубероз. Комната производила впечатление роскоши и покоя. – А этот дивный букет вы составили?

– Да, – ответила Сакина, явно слегка встревожившись. – Мне теперь приходится самой ухаживать за цветами. Я это делаю рано утром, пока солнце не слишком жаркое. У нас был садовник, но ради экономии средств мы его отпустили, равно как и гувернантку, про которую говорила Амина, помощника повара и посыльного.

– У вас талант садовода, – заметила Первин, осознав, что Сакина, похоже, стесняется того, что владеет искусством, которым многие женщины готовы гордиться. – Раз вы отпустили столько прислуги, полагаю, уборкой занимаются Фатима и Зейд?

– Да. Их отец Мохсен – наш дурван. С нами остались Икбал, наш повар, и айя Тайба, которая живет в доме с детских лет моего покойного мужа.

Вошла Фатима, она неловко несла серебряный поднос, нагруженный двумя высокими хрустальными бокалами, налитыми до краев бледно-розовой жидкостью. Фруктово-молочный пунш оказался комнатной температуры, его не охлаждали: Первин сообразила, что в доме нет ледника.

– Очень вкусно, – заметила она, пригубив. – А Мукри-сагиб живет в доме или приходит по мере надобности?

– Он занял одну из комнат на главной половине. Одним из желаний моего мужа было, чтобы в доме проживал достойный доверия мужчина: так мы будем в безопасности. Мы надеемся, что Мукри-сагиб будет жить здесь и дальше, хотя для него, безусловно, это неудобство.

Первин еще накануне сообразила, глядя на небрежный туалет Мукри, что он обосновался в доме. Такое, однако, необычно, если мужчина – не кровный родственник. Она подумала: интересно, а не составляет ли кто-то ему компанию на другой половине?

– А у него есть жена, дети?

– Нет. Именно по этой причине мой муж решил, что он сможет посвятить себя заботе о нас. – Сакина аккуратно поставила бокал с фалудой на вышитую скатерть, покрывавшую столик. – Первин-биби, объясните, пожалуйста, какие нам необходимы бумаги.

– Простите, – спохватилась Первин, сообразив, что слишком увлеклась личными вопросами. – Я хотела бы для начала еще раз показать вам документы на махр, которые ваш муж подписал в 1913 году.

Первин открыла портфель и подала Сакине ее договор на махр, вариант на урду. Глаза Сакины медленно скользили по строкам.

– Я все понимаю. Здесь описан комплект украшений, который я собираюсь передать в вакф.

– Полагаю, столь ценные вещи хранятся в банковском сейфе? – предположила Первин, доставая деловой блокнот, чтобы делать пометки.

– Никаких банков, – решительно возразила Сакина. – Мой свекор снабдил все спальни сейфами, в своем я и держу свои драгоценности.

– А! Получается, они здесь.

– Хотите взглянуть? Я их в последний раз доставала еще до болезни мужа.

– Конечно. – Первин обрадовалась, что процесс оценки оказался таким простым.

Сакина грациозно поднялась, подошла к стене, сдвинула в сторону небольшую картину с орхидеями. За картиной открылась медная пластина с двумя круглыми циферблатами. Через несколько секунд дверца распахнулась, Сакина вытащила ящик, в котором стояли футлярчики. Вернулась к Первин, расставила бархатные футлярчики по столу.

– Какая прелесть! – не удержалась Первин, когда Сакина достала сверкающее ожерелье из бриллиантов и изумрудов в изящной золотой оправе. В футляре поменьше оказались такие же браслеты, еще в одном – прелестные серьги с бриллиантовыми подвесками. Размеры и чистота камней поражали. Первин разбиралась в драгоценностях хуже, чем ее невестка. Она пожалела, что рядом нет Гюльназ.

– Серьги и подвеска из бирманских изумрудов в четыре карата и индийских бриллиантов в два карата. В каждом браслете пять изумрудов по карату и пять бриллиантов по карату. – Сакина посмотрела на Первин, глаза ее блестели.

Первин все равно не могла оценить, каково денежное выражение всей этой красоты.

– А вы делали оценку?

– Никогда. Будучи невестой, я заключила по этому подарку, что муж мой очень меня ценит. Но его больше нет, мне некуда надеть такие изысканные украшения. Разумнее будет передать их в вакф.

Первин кивнула, отметив про себя, как Сакина отзывается о чувствах своего бывшего мужа. Возможно, то, что она раньше думала по поводу любви между мужем и тремя его женами, попросту слишком сентиментально. Она записала в блокноте: «Выразила согласие».

– Ну а что касается пяти тысяч рупий, которые вы должны получить в качестве второй выплаты по махру?

– Их тоже следует передать в вакф. Мы все решили отказаться от своей доли, такая у нас договоренность.

Возможно, в рамках единой семьи, где много жен и детей, подход Сакины выглядит совершенно естественно. Все общее. Но у Первин возникло ощущение, что вдова не понимает всех последствий своего решения.

– Вы хорошо осведомлены о правилах мусульманских благотворительных фондов?

Сакина ответила извиняющейся улыбкой.

– Этим занималась Разия, а со мной своих дел почти не обсуждала.

– Полагаю, вам следует их прочитать. Я принесла официальный документ, в котором объяснено назначение вакфа, в том числе и долей, которые распределяются между членами вашей семьи. Правда, он на английском.

Сакина снова улыбнулась и попросила:

– Тогда просто растолкуйте.

Первин подытожила: назначение вакфа – выделять пятнадцать тысяч рупий ежегодно на нужды и лечение раненых ветеранов войны. Кроме того – это она уже обсудила с мистером Мукри, – каждой из жен Фариды будут выплачивать из вакфа тысячу и одну рупию в год. Такое же пособие будет назначено и каждому из детей по достижении ими восемнадцати лет.

В конце этого сложного объяснения Сакина вздохнула.

– Пятнадцать тысяч – большие деньги, да? Когда муж был жив, он каждый год жертвовал деньги в вакф! Возможно, слишком щедро. Теперь вопрос в том, как финансировать вакф и дальше при отсутствии дохода.

– Доход вы будете получать по-прежнему, ведь он не продал свою фирму, – пояснила Первин, удивляясь, что Сакина этого не знает. – А Мукри-сагиб упоминал, что у вакфа есть планы открыть медресе?

– Да. Он говорил об этом на нашей встрече у джали в прошлом месяце. Очень разумное решение, поскольку война закончилась. И у стольких бедных мальчиков-мусульман нет денег на учебу.

Первин взглянула в открытое ласковое лицо Сакины и подумала: ее собственное обучение наверняка завершилось в пятнадцать лет, когда она вышла замуж, а то и раньше. Первин мягко добавила:

– Грамота полезна и мальчикам, и девочкам. Известно ли вам, что уровень грамотности среди девочек-мусульманок в Индии – меньше двух процентов?

– Мои дочери научатся бегло читать! – с вызовом отозвалась Сакина. – Выучат важные молитвы, смогут поддерживать вежливый разговор на хинди и урду. А я научу их вышиванию и шитью.

– Амина учится другому, – заметила Первин и стала наблюдать за реакцией.

Сакина улыбнулась.

– Это выбор ее матери, а еще Амине повезло: у нее много лет была гувернантка. Когда разберутся с завещанием и мы поймем, каково наше финансовое положение, Мукри-сагиб, возможно, найдет новую гувернантку; а пока мы с Разией обучаем дочерей основам религии.

Первин поняла: Сакина даже не может вообразить, что дочери ее будут жить иначе, чем она сама.

– Я понимаю, что вы всецело доверяете Мукри-сагибу. Однако с тем, чтобы финансировать за счет вакфа школу, есть одна проблема. Закон гласит, что благотворительные начинания, которые поддерживает вакф, изменять нельзя. Поскольку вакф вашей семьи создан как фонд для раненых ветеранов, только судья может дать разрешение направить средства на другие цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.